

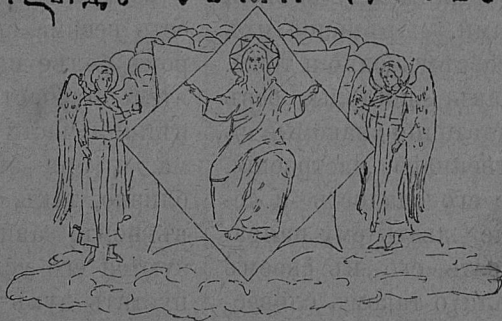
БОЖІА ПИВА

СЕ ІЗЫДЕ СЪМЪИ ДА СЪЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМНѢИ
НЕБРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкіи Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

СВѢТЛА ПРΟΣЬБА.

Одинъ крестьянскій мальчикъ, изъ питомцевъ церковной школы, обратился недавно къ о. наблюдателю съ просьбою—научить его *молится*¹⁾. Великій, отраднй, знаменательный фактъ! Возвышенная, святая, знаменательная просьба! И великое, святое, выдвигаемое этимъ фактомъ, значеніе учителя и вообще школы!...

Нѣкогда, съ подобною просьбою обратились ко Господу ученики Его: *Господи! научи ны молитися, якоже и Іоаннъ научи ученики своя* (Лук. 11, 1), и Господь отвѣтилъ на ихъ просьбу всеобъемлющимъ, безконечно совершеннымъ, вѣчно благопотребнымъ „*Отче нашъ*“, которое на всѣ вѣка пребудетъ превосходнѣйшимъ образцомъ молитвы и неисчерпаемою сокровищницею

¹⁾ См. ниже: „Нашъ Дневникъ“.

всего главнаго, что для нея нужно—настроенія, теплоты чувства и умиленія. Казалось бы, въ этомъ—все рѣшеніе вопроса и удовлетвореніе вышеуказанной просьбы. По существу конечно, да! И только въ виду глубокаго тонкаго различія между обѣими сходными просьбами, и рѣшеніе ихъ должно быть не совсѣмъ одно и тоже.

Въ то время, какъ Апостолы, безъ сомнѣнія уже достаточно знакомые съ чувствомъ молитвеннаго настроенія, опытно познавшіе его сладость и сознательно умѣвшіе давать ему направленіе и воспитывать его въ своемъ сердцѣ, спрашивали о такомъ словесномъ выраженіи молитвы, которое бы наиболѣе совершенно воплощало и отражало ея истинный духъ,—мальчикъ спрашиваетъ о средствахъ или путяхъ, коими достигается самая молитвенная настроенность и познается сладость молитвы, ея великая благодатная сила. Безъ сомнѣнія, онъ прекрасно зналъ и толково умѣлъ объяснить данную Господомъ молитву „*Отче нашъ*“, а доискивается лишь самыхъ тайниковъ, раждающихъ въ нашей душѣ молитву.

Итакъ, можно ли и какъ—научить молиться въ этомъ послѣднемъ смыслѣ?

Однимъ изъ учителей такой молитвы—Св. Отцевъ Церкви придумано прекрасное сравненіе для нея, хорошо уясняющее возможность и способы воспитанія въ себѣ духа молитвеннаго: *молитва есть дыханіе нашей души*,—то-есть, такое же важное, необходимое, жизнерадостно-легкое проявленіе ея жизни, какъ дыханіе нашихъ легкихъ для жизни тѣла. Разница здѣсь развѣ та, что дыханіе тѣлесное есть явленіе произвольное и безсознательное, а дыханіе души—молитва—плодь свободнаго усилія, воспитанія и сознательнаго участія всѣхъ высшихъ силъ и

способностей человѣческаго существа. Во всемъ остальномъ сравненіе дыханія души съ дыханіемъ тѣла прекрасно подходитъ для обстоятельнѣйшаго выясненія нашего вопроса о путяхъ и способахъ стяжанія духа молитвеннаго.

Такъ, прежде всего дыханіе тѣлесное есть весьма сложное явленіе, въ которомъ болѣе или менѣе замѣтно и дѣятельно участвуютъ всѣ другія важнѣйшія части человѣческаго организма, и при этомъ болѣе или менѣе близко, такъ сказать, заинтересованы въ немъ, зависятъ отъ него и пользуются его услугами. Выраженіе „испустить духъ“, прекратить дыханіе—значить перестать жить, умереть. Далѣе, правильное и цѣлесообразное выполненіе дыханія требуетъ особо-благопріятныхъ условій для себя, которыя находятся не только въ самомъ человѣкѣ, но и внѣ его: для дыханія именно нужны не только здоровыя легкія, но и здоровый воздухъ.

Все это имѣетъ приложеніе и соотвѣтствіе и въ отношеніи къ воспитанію духа молитвеннаго, къ опытному познанію того счастья, которое одно прочно и на землѣ въ здѣшней жизни, съ ея превратностями и скорбями, и составляетъ прочный залогъ будущаго блаженства, которое должно быть прямымъ продолженіемъ земной жизни каждаго.

Итакъ, что должно быть для нашей души, прежде всего, тѣмъ воздухомъ, безъ котораго невозможно самое ея дыханіе?

Безъ сомнѣнія, этотъ воздухъ души есть сознаніе вездѣсущія Божія, чувство всецѣлой зависимости отъ Бога, чувство безпредѣльной, премудрой и всемогущей благодати Божіей, промыслительнымъ попеченіемъ коей содержится, живетъ и дѣйствуетъ все, отъ вѣнца созданій—человѣка, до послѣд-

ней ничтожной былинки. Вотъ почему, и чудная молитва Господня начинается знаменательнымъ, непредѣльно-благодѣтельнымъ воззваніемъ „Отче нашъ!“ Господь идетъ Самъ навстрѣчу первѣйшему порыву къ нему души человѣческой и открываетъ Себя въ самомъ нѣжномъ, драгоценномъ для человѣческаго сердца имени: *Отче нашъ*.

Но это чувство наше къ Отцу Небесному, чувство зависимости отъ Него, сыновней любви къ Нему, необходимости въ Немъ и утѣшительнаго счастья подъ Его промыслительной десницей, конечно, не дается сразу. Оно воспитывается, развивается изъ глубины души человѣка. *Стяжаніе и воспитаніе духа молитвеннаго есть особое воспитаніе всей души человека*, достигаемое при этомъ не на протяженіи какихъ либо отрывочныхъ періодовъ нашей жизни, а въ продолженіи цѣлой жизни. Какъ-то странно даже представить себѣ духъ истинной молитвенной настроенности въ балоуны счастья, все воспитаніе котораго не шло далѣе предоставленія ребенку всѣхъ удобствъ и благъ растительно-животной жизни. Между тѣмъ, какъ часто прошедшіе суровую школу жизни, оказываются на высотѣ развитія духа молитвеннаго, который многихъ блудныхъ сыновъ, уединяя въ монастыряхъ и пустыняхъ, дѣлалъ потомъ величайшими подвижниками молитвы и Богоугожденія!

Крестыанскія дѣти, изъ большинства коихъ состоитъ наша народная школа, вообще находятся въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ для привитія къ ихъ сердцамъ и воспитанія духа истинной молитвы, нежели дѣти другихъ классовъ, особенно такъ называемой нашей интеллигенціи. И именно трудовая, тяжелая, серьезная жизнь деревни могла въ душѣ маль-

чика зародить уже самый вопросъ и просьбу о наученіи молитвѣ. Очевидно, эта же трудовая и серьезная жизнь болѣе представляетъ данныхъ и для возбужденія въ душѣ чувства необходимости въ молитвѣ, чувства ея сладости, утѣшительности и вообще ея великаго значенія въ духовной жизни.—Но это только, такъ сказать, подкладка дѣла. Почувствовать жажду еще не значитъ удовлетворить еѣ. Впрочемъ, съ другой стороны, почувствовать жажду это уже значитъ возжелать сердцемъ, опѣнить и полюбить то, жажда чего чувствуется. Почувствовать жажду и нужду молитвы значитъ возжелать ея сердцемъ, опѣнить, полюбить и взыскать ея. Самое главное, очевидно, сдѣлано. Чувство жажды и нужды въ молитвѣ обыкновенно уже само находитъ себѣ исходъ и удовлетвореніе, и остается не учить ему, а лишь обезпечить ему свободу, и доставлять ему пищу...

Эта свобода обезпечивается, и такая пища въ изобиліи доставляется *религиозно-церковнымъ воспитаніемъ всей души человека*. Церковь вообще есть богатѣйшая сокровищница молитвенныхъ чувствъ, воспитательница ихъ въ душѣ христіанина. Ея хвалебные, умиловительные и покаянные гимны, умиленнѣйшія Богослуженія и обряды, ея поэтически-молитвенное и исполненное опыта духовнаго наслѣдіе отъ Боговдохновенныхъ Отцевъ—писателей составляютъ неподражаемое и незамѣнимое училище вѣры, благочестія и молитвы. Какъ же полюбить и сдѣлать достояніемъ сердца благодатную силу этихъ сокровищъ Церкви? Церковь выступаетъ для человѣка обыкновенно въ двухъ значеніяхъ: прежде всего какъ нѣчто внѣшнее по отношенію къ внутреннему міру человѣка, и, затѣмъ, какъ нѣчто су-

щественно-необходимое и неотдѣлимое отъ этого внутренняго міра, и именно *собственнаго* внутренняго міра каждаго. Пока человекъ руководится Церковію, какъ просто только учительницею вѣры и нравственности,—до тѣхъ поръ онъ не знаетъ и не любитъ Церковь такъ, какъ она заслуживаетъ, и какъ это для насъ нужно. Такую внѣшнюю любовь къ Церкви можно видѣть въ большинствѣ нашей интеллигенціи, еще не увлеченной болѣе грубыми и невѣжественными воззрѣніями на нее въ духѣ Толстого. Настоящимъ образомъ любить, понимаетъ Церковь и пользуется ея благодатною жизнію только тотъ, для кого она—Церковь его *собственнаго* сердца,—его *собственной* жизни, для кого она врачевница его *собственныхъ* немощей, помощница и руководительница въ его личныхъ нуждахъ, страданіяхъ и лишеніяхъ, обильно усыпаящихъ жизненный путь каждаго.

Безъ такого усвоенія Церкви, сліянiя съ нею сердцемъ и всѣмъ своимъ существомъ не можетъ быть настоящей пламенной, истинной и благодорно-живительной молитвы.

Таково общее условіе усвоенія духа молитвеннаго. Оно имѣетъ силу и въ приложеніи къ воспитанію молитвеннаго духа въ школьномъ возрастѣ. Научить ребенка молиться сердцемъ и воспитать въ немъ чувство потребности въ молитвѣ невозможно безъ воспитанія въ его сердцѣ другого чувства, живого чувства отзывчивости Церкви на всѣ его личныя духовныя потребности—его нужды, лишенія и скорби. Это чувство такъ естественно, легко и удобно должно быть прививаемо къ сердцу дѣтей уже при изученіи ими самой главной и обыкновенно предваряющей всѣ остальные—молитвы „Отче нашъ.“ Здѣсь какъ

можно яснѣе, убѣдительнѣе и обстоятельнѣе должно быть внушено ребенку и усвоено его сердцемъ, что этотъ „Отецъ нашъ“ есть именно *Отецъ его*, его маленькой жизни, со всѣми ея радостями и скорбями, нуждами и испытаніями, лишеніями и напастями, и т. п. движеніями и проявленіями. Божественный „Сынъ“ этого „Отца“ Искупитель міра, есть *его* Искупитель, *его* Спаситель, Помощникъ и Покровитель. Благовѣстіе этого Искупителя человечеству — св. Евангеліе — есть благовѣстіе именно *ему*, и наиболѣе трогательныя страницы этого Евангелія о томъ, какъ Сынъ Божій отдалъ Себя добровольно въ жертву за грѣхъ міра, есть именно благовѣстіе о томъ, что Онъ есть жертва за каждаго изъ насъ, жертва и за тѣ маленькія паденія, которыхъ память каждаго школяра доставитъ сколько угодно, и которыя носятъ въ себѣ зародыши настоящихъ, серьезныхъ паденій человѣческой души, за которыя Сынъ Божій принялъ крестную смерть. Наконецъ, Церковь, основанная этимъ Сыномъ Божиимъ для совершенія спасенія въ Него вѣрующихъ благодатными дарованіями Духа Божія, есть именно наша благодатная мать, она должна быть близка и дорога нашему сердцу, со всею ея исторіею и достоинствомъ такъ, какъ близко сердцу каждаго его все кровное родное. Для развитія въ подробностяхъ этихъ общихъ мыслей, воспитатель найдетъ массу превосходнаго матеріала и въ урокахъ Закона Божія, и въ чтеніи книгъ церковныхъ, и религіозно-назидательныхъ писаніяхъ св.отеческой и вообще поучительной литературы, и, наконецъ, въ урокахъ самой жизни каждаго.

Само собою разумѣется, все это невозможно также безъ самаго задушев-

наго участія воспитателя въ сердечной и духовной жизни наставляемыхъ къ молитвѣ, и безъ самаго живого, неподдѣльнаго, собственнаго опыта и *примѣра* въ молитвѣ. Извѣстно, какъ благоговѣйное настроеніе и теплая молитва одного имѣетъ свойство увлекать и другихъ, и наоборотъ. То и другое особенно должно оправдываться на воспитателѣ и питомцахъ школы, въ виду столь сильно развитой впечатлительности и подражательности дѣтскаго возраста. Итакъ, если хочешь навикнуть и другихъ научить молитвѣ, прилѣпись всею душою твоею и другихъ научи прилѣпиться къ Церкви: никто такъ не молится и не увлекаетъ за собою жаждущій молитвы духъ, какъ она. Прислушайся внимательнѣе къ ея молитвѣ: нѣтъ такой нужды, такого горя, такой скорби, такого состоянія и движенія душевнаго, которое бы не было предметомъ ея молитвы, умиловительной, покаянной,

очистительной, освятительной, дивно оживотворяющей все наше грѣхомъ разслабленное существо. Это не мертвая, стереотипная, чуждая твоей *личной* жизни молитва, но совершеннѣйшее воплощеніе и выраженіе именно *твоихъ* нуждъ, *твоихъ* скорбей и всѣхъ состояній, ищущихъ молитвеннаго изліянія предъ Богомъ. А такъ какъ это предполагаетъ само собою живое сознаніе своихъ нуждъ, немощей, паденій, скорбей и полной безпомощности нашей жизни во всѣхъ ея тревоженіяхъ, то любовь и навыкъ къ молитвѣ требуетъ и этой подготовки къ ней, опять таки лучше всего получаемой путемъ органическаго сліянія нашей души съ тою, которую оплакиваетъ, обновляетъ, очищаетъ и обожевляетъ своими трогательными молитвами и священнодѣйствіями Св. Церковь.....

I. I.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДЕРЕВЕНСКІЕ ЧИТАТЕЛИ.

(Изъ наблюденій и воспоминаній учителей-библіотекарей).

Въ періодической печати въ послѣднее время часто разсуждаютъ о томъ: что читать народу? Какую духовную пищу ему предлагать? На эту тему пишутся цѣлыя книги.

По нашему глубокому убѣжденію, лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить отвѣтъ на другой вопросъ: чего просить *самъ народъ*? Слава Богу, нашъ народъ совершенно вѣрно, *честно* и безпристрастно смотритъ на дѣло своего духовнаго воспитанія: онъ знаетъ, что ему нужно, полезно, и не позволяетъ себѣ того лицемерія, какимъ прикрывается наша

полуобразованная интеллигенція; онъ не хочетъ сознательно себя обманывать, и подъ видомъ „полезнаго“ чтенія искать удовлетворенія своимъ страстишкамъ. Русскій народъ смотритъ на книгу серьезно, онъ ждетъ отъ нея назиданія, „пользы душѣ“, такого значія, которое удовлетворяетъ вѣчнымъ запросамъ его духа, его идеаламъ, или же, по меньшей мѣрѣ отвѣчаетъ насущнымъ потребностямъ его обыденной жизни. На такъ называемыя „художественныя“ произведенія литературы, на поэзію, когда не находитъ въ нихъ яснаго отображенія своихъ

завѣтныхъ идеаловъ, онъ смотритъ какъ на забаву, на „игру ума“, по выраженію одного умнаго старца-простолодина,—какъ на такія вещи, которыя позволительны только для „барина“, для челоуѣка вполне обезпеченаго въ матеріальномъ отношеніи, а для него, простеца, это—излишняя, непозволительная и потому „грѣшная“ роскошь. До тонкаго критическаго пониманія и оцѣнки такихъ произведеній онъ еще не дошелъ, но внутреннимъ чувствомъ вѣрно опредѣляетъ ихъ нравственное значеніе для себя и относится къ нимъ безъ увлеченія, трезво и разумно.

Въ видѣ иллюстраціи къ нашему мнѣнію о желательномъ составѣ народныхъ бібліотекъ печатаемъ два отклика по сему вопросу: одинъ изъ Московской, другой изъ Рязанской епархіи. Авторы—священники сообщаютъ нѣсколько фактовъ изъ своихъ личныхъ наблюденій, а этихъ фактовъ можно было бы привести множество и мы надѣемся еще не разъ возвратиться къ этому предмету.

I.

Вспоминаю очень дорогое для меня прошлое. Съ удовольствіемъ представляю теперь обширную церковно-приходскую бібліотеку при второклассной школѣ, у Свято-Троицкой церкви, что въ селѣ Чашниковѣ, Московскаго уѣзда. Мнѣ пришлось два года поработать въ этой школѣ при бібліотекѣ. Оживаютъ въ воспоминаніяхъ моихъ усердные посѣтители ея, истинные почитатели и любители церковно-книжнаго чтенія. Въ бібліотекѣ тамъ множество разнообразныхъ книгъ богословско-догматическаго, священно-церковно-историческаго, религіозно-нравственнаго и патристическаго содержанія.

Хорошо быть бібліотекаремъ въ такой школѣ, при такой бібліотекѣ. Всегда пополняется она добрымъ попечителемъ новыми интересными и разнообразными книгами, что очень привлекаетъ читателей. Методъ выдаванія книгъ былъ тамъ самый простой, естественный. Выдумывать его не пришлось, онъ сложился самъ собой. Бібліотека была готова, книги занумерованы, надлежало пустить ихъ въ ходъ. Мы открыли двери, пришли люди, началось знакомство, завязался разговоръ, начались бесѣды о спасеніи, о смыслѣ жизни, о господствѣ грѣха и несправедливости, о трудности жизни, о бѣдности и т. п. Съ благодарностью вспоминаю теперь всѣхъ такихъ собесѣдниковъ, въ высшей степени сердечныхъ, серьезныхъ, честныхъ и чрезвычайно любезныхъ. Благодаря ихъ разговорамъ возможное и точное познаніе духа и быта семейной и общественной народной жизни. Раскрывались деревенскіе нравы и порядки, обычаи, суевѣрія и разныя примѣты. Рассказывались разныя сцены изъ темнаго крестьянскаго быта и тяжкія условія фабричной жизни. Одинъ старикъ, тридцать лѣтъ живущій на фабрикѣ, очень откровенно говорилъ: „мнѣ, старику ужъ, и то какъ трудно жить на фабрикѣ,—не устоишь, а молодому и подавно, того и гляди упадешь въ пучину грѣха, тамъ на каждомъ шагу бойся“. Иногда изъ разговоровъ собесѣдника можно было угадать, какую ему нужно было дать книгу. Книга давалась, прочитывалась дома получившимъ, возвращалась обратно въ бібліотеку; когда читатель приносилъ книгу, я спрашивалъ мнѣніе о ней читавшаго. Такимъ былъ методъ выдаванія книгъ. Такимъ путемъ открывалась возмож-

ность узнать вкусъ и развитіе читателя, силу критической способности его, наконецъ дѣйность и степень народоприспособленности прочитанной книги и характеръ впечатлѣній отъ нея. Читатель иногда самъ требовалъ разъясненія прочитаннаго, разрѣшенія какого либо сомнѣнія, недоумѣнія. Для того, чтобы приблизить какую либо богословскую мысль къ сознанію моихъ простыхъ читателей, я долженъ былъ дѣлать сравненія, приводить примѣры въ объясненіе мысли изъ Прологовъ, житій Святыхъ, Четьихъ-Миней. Эти примѣры дѣйствовали неотразимо, они сослужили великую службу въ дѣлѣ разъяснительныхъ собесѣдованій съ читателями. Сознывая необходимость такихъ примѣровъ, бібліотекаръ долженъ былъ самъ хорошо изучать наши Прологи, Четьи-Миней, житія св. угодниковъ. Ясно теперь, что бібліотекаръ здѣсь исполняетъ великую миссію, онъ служитъ исходной точкой отправленія въ народъ здравыхъ понятій и сужденій, истинныхъ и вѣчныхъ библейскихъ мыслей, священно-историческихъ фактовъ. Онъ является здѣсь въ собственномъ смыслѣ народнымъ учителемъ и воспитателемъ. Бесѣды его съ народомъ имѣютъ великое образовательное значеніе, истинно - образующую силу. При официально-холодномъ методѣ выдаванія книгъ невозможны бы были такіа бесѣды, невозможно было бы жизнепониманіе читателей и распознаваніе ихъ міросозерцанія, а слѣдовательно и невозможно было бы просвѣтительное вліяніе на народъ, и школа потеряла бы характеръ истиннаго источника просвѣщенія. Разумѣется, не всѣ искали разъясненій, нѣкоторые изъ читателей всегда поспѣшно уходили изъ бібліотеки; но люди серьезнаго мышленія настой-

чиво требовали себѣ разныхъ указаний, объясненій и такихъ мыслей, которыя бы не пришлось имъ мѣнять на другія, какъ несостоятельныя, но съ которыми можно было бы покойно жить всю жизнь. Бесѣды съ такими читателями затягивались иногда часа на два, а нѣкоторые въ первое время бесѣдовали до самаго вечера. И я не помню ни одного примѣра, ни одного случая, чтобы кто-нибудь когда либо сдѣлалъ грубую выходку или сказалъ грубое слово. Напротивъ, съ чувствомъ удовольствія и досточестной правды свидѣтельствую, что отношенія читателей къ бібліотекарю и книгамъ были идеально-желанныя. Потребность читать у нѣкоторыхъ личностей была весьма огромная, читателей было всегда много, приходили изъ другихъ приходо-въ за книгами. Наибольшій спросъ книгъ былъ осенью и зимой, особенно брали много книгъ предъ праздниками Рождества Христова, Св. Пасхи и Троицы Святой. Зимой въ мѣсяцъ насчитывалось до ста читателей. Если книга очень нравилась, то читатели въ благодарность за чтеніе ея дѣлали весьма интересные сюрпризы. Такъ одинъ изъ молодыхъ читателей, взявшій безъ переплета книгу подъ заглавіемъ „Іоаннъ Креститель“, возвратилъ ее въ бібліотеку въ хорошемъ переплетѣ, усердіемъ и руками этого читателя сдѣланномъ; кромѣ того этотъ же ревностный книголюбецъ вложилъ въ понравившуюся ему книгу красную хорошенькую ленточку для того, чтобы другіе читатели, закладывая книжку, легко могли обращаться съ ней. Вспоминаю нѣкоторые изъ отзывовъ и мнѣній о книгахъ, весьма характерные, интересные и оригинальные. Одинъ изъ читателей (Ермолаевъ) коснулся въ разговорѣ сочиненій нашего поэта Некрасова въ слѣдующихъ выра-

женіяхъ: „у меня есть двѣ книжки сочиненій Некрасова; когда бываю свободенъ я, то читаю ихъ; иной разъ хорошо сказано, а то другое слово стоитъ совсѣмъ ни къ чему,—и часто такъ!“ Другой книгоочець, возвращая однажды толстую книжку г. Гусева подъ заглавіемъ: „Святитель Николай Чудотворецъ“, сказалъ, что онъ ничего не понималъ изъ нея. Такъ и не пошла въ ходъ эта книга, не понравилась народу. Знать не доставало въ ней живости и чувства. Былъ однажды выдающійся случай фѣдкой критики одного свѣтскаго иллюстрированного журнала. Я далъ дѣвчкѣ, спросившей книгу для своей матери, умѣющей читать (Ѡ—ва изъ д. Носовой), журналъ „Ниву“ за цѣлый годъ, въ качествѣ пробы присланный въ бібліотеку за нѣсколько годовъ. Черезъ нѣсколько дней дѣвочка приноситъ журналъ обратно и говоритъ: „на тебѣ книжку! больно мамка заругалась; я тебя, говоритъ, отхлестаю, ежели ты еще принесешь такую забаву!“ Очевидно, разныя „красавицы“, выставляемыя въ журналъ издателями „Нивы“ въ угожденіе тонкому, античному оку, не удивляютъ простыхъ людей, для которыхъ серьезнымъ и основнымъ началомъ жизнедѣятельности служить древнее, библейское, вѣковѣчное повелѣніе Бога Правосуднаго: „въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой“ (Быт. 3, 19). Но очень нравились напримѣръ духовно-нравственныя книжечки Еп. Теофана. Крестьяне зачитывались его бесѣдами о молитвѣ, о постахъ, толкованіемъ молитвы Господней, хотя труды его по части толкованія Св. Писанія были еще рановременны для крестьянъ. Давалъ я читать прекрасныя размышленія о литургіи нашего незабвеннаго Н. В. Гоголя, одному двадцатилѣтнему, очень толковому кре-

стьянину (З., изъ д. Катюшки), уже привыкшему обращаться съ книжкой. Онъ отозвался о ней съ большой похвалой, но не смогъ самостоятельно выбрать самую великую и важную мысль о преложеніи хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христовы. Ему потребно было продолжительное толкованіе этой мысли, превосходно написанной Гоголемъ. Послѣ толкованія молодой читатель вторично взялъ эту книжечку, теперь она повліяла на него сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ и онъ выразилъ свою любовь къ ней и почитаніе тѣмъ, что своими умѣлыми руками украсилъ ее отличнымъ переплетомъ. Съ нимъ было у насъ собесѣдованіе о монашествѣ, но такъ какъ ему предстояло отбываніе воинской повинности, то онъ и остался въ міру. Онъ служилъ на фабрикѣ, но боязнь возможности нравственнаго паденія заставила его уйти съ фабрики. Имъ прочитано было до сорока книгъ, изъ бібліотеки взятыхъ. Онъ извѣстенъ былъ мнѣ какъ нѣжный братъ и нѣжный сынъ, глубоко-чувствующій свою мать. Религіозное настроеніе побуждало его иногда молиться дома по ночамъ, когда всѣ спали. Огромной популярностью пользовались въ округѣ два труда: „Лугъ Духовный“ и „Жизнь пустынныхъ отцовъ“. Эти двѣ назидательныя книги какъ нельзя болѣе пришлись по сердцу народа. Когда народъ узналъ объ особенномъ духѣ этихъ книгъ, то не было отбоя въ бібліотекѣ, всякій спѣшилъ достать ихъ, скорѣе прочитать, чтобы узнать содержаніе ихъ, но отзывъ объ этихъ книгахъ не имѣлъ выдающейся типичной опредѣлительности въ устахъ народа. Ихъ вообще называли: „божественными“, „поучительными“, какowymi отзывами награждались и многія другія книги, напр. изданія Еп. Теофа-

на, Аѳонскія изданія и др. Однажды пришелъ нѣкто, Кузьма Назаровичъ Панишкинъ, и отдавая 2-й томъ Троицкихъ Листковъ, сказалъ: „какая поучительная книга, я и не знаю! Невѣжды мы были, а какъ прочли, что нельзя сравнивать домашніе поклонны съ молитвою въ церкви, такъ и забоялись не ходить въ храмъ Божій. Теперь каждый разъ идешь въ церковь, станешь рано утромъ; иной разъ посидишь на ступенькѣ паперти до начала службы. А безъ этой книжки мы и не знали бы, какъ великъ грѣхъ не бывать въ храмѣ!“ Требованіе книги иногда выражалось комичнымъ образомъ. Такъ одинъ изъ посѣтителей бібліотеки, осмотрѣвши книги, серьезно сказалъ: „ты дай мнѣ какую либо книгу попереплетистѣй“, т. е. потолще. И уже послѣ нѣсколькихъ случаевъ этотъ читатель опытно дошелъ до пониманія того, что „мастеръ дѣла открывается и въ незначительномъ по объему трудѣ“. Другой изъ посѣтившихъ бібліотеку потребовалъ книгу такого содержанія, котораго у насъ совсѣмъ и не намѣчалось въ бібліотекѣ: „Дай мнѣ какую-нибудь книгу понаучнѣй“, спросилъ посѣтитель. „Какую же вамъ книгу?“ возразилъ я.—„Алгебру дайте!“ потребовалъ собесѣдникъ. Но потомъ оказалось, что и самое слово „алгебра“ ему непонятно, а потому и получилъ онъ вмѣсто алгебры поучительный Прологъ, за который пришлось услышать изъ его же устъ выраженіе удовольствія. Но самый почетный и сердечный отзывъ, какой только выпалъ на долю книгъ этой незабвенной для меня бібліотеки, принадлежитъ книгѣ самаго основателя и попечителя нашей бібліотеки, носящей любимое дѣтьми и всѣми русскими людьми родное, дорогое намъ всѣмъ заглавіе: „Житіе и Подвиги

Преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Сергія, игумена Радонежскаго и всея Россіи Чудотворца“. Эта книга существуетъ во многихъ домахъ крестьянскихъ; отъ царскихъ чертоговъ она достигла хижины послѣдняго грамотея. Отдавая мнѣ эту книгу, усердный и внимательный читатель ея, со слезами сказалъ: „Сладостная книга эта! Больно жалостная она! Дай ты мнѣ еще такую-то, чтобы прошибла меня грѣшнаго до слезъ, чтобы хватила меня за сердце!“ Популярно было въ народѣ „Эхо“, иллюстрированное изданіе противъ пьянства, даръ о. Архим. Нікону покойнаго М. П. Соловьева, бывшаго начальника по дѣламъ печати. Эту книгу читали также наперерывъ, брали на фабрику для того, чтобы поразить пьяницъ послѣдствіями винопитія, внушительно нарисованными въ этомъ весьма полезномъ изданіи. Любилъ брать книги и пастухъ изъ дер. Катюшки, статный, плотный мужчина, бывшій унтеръ. Одинъ разъ пришелъ онъ ко мнѣ и, отдавая книгу, сказалъ, что онъ „въ Бога не вѣруеть“. Я указалъ ему на мѣсто въ Соборномъ посл. Ап. Іакова, въ которомъ говорится о томъ, что „и бѣси вѣрують и трепещуть“ (Іак. 2, 19), и что великое безуміе для человѣка отрицать бытіе Божіе, ибо сказано Псалмопѣвцемъ: „рече *безумень* въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“ (Псал. 13, 1). Благодатная сила словъ Св. Писанія коснулась души маловѣрующаго и онъ повалился было въ ноги, говоря съ сокрушеніемъ: „простите меня за то, что я такъ сказалъ“. Эта шальная мысль, Богъ вѣсть какимъ то путемъ залетѣвшая въ его голову и нарушившая его мирный покой, оставила его, и онъ нерѣдко потомъ бесѣдовалъ въ бібліотекѣ о Лицѣ Господа Іисуса Христа и о безсмертіи души.—„Могу

ли я читать псалмы, когда работаю на фабрикѣ?“ спросилъ меня одинъ изъ обязательныхъ моихъ читателей. Я указалъ ему мѣста въ Священномъ Писаніи, гдѣ псалмопѣвецъ молится „на всякомъ мѣстѣ владычества Господня“, гдѣ онъ говоритъ: „иду ли я, отдыхаю ли — Ты окружаешь меня (Господи!); сзади и спереди Ты объемишь меня“ (Псал. 138, 3. 5). Слѣдовательно, никто не можетъ отлучить насъ отъ Господа; ни громъ фабричныхъ машинъ, никакая скорбь и никакая тѣснота. И сколько было получено мною усердныхъ благодареній за всѣ эти собесѣдованія! Сколько восторженныхъ отзывовъ выслушано о библиотекѣ и о книгахъ, приводившихъ ихъ читателей въ слезы и умиленіе. Такъ какъ у меня было искреннее желаніе говорить съ читателями и искреннее желаніе служить ихъ религіозно-нравственнымъ нуждамъ и запросамъ, то и со стороны моихъ читателей были такія же искреннія, теплыя отношенія ко мнѣ; широкой волной билъ отъ нихъ приливъ любви, сердечности, участливости. „Мы уходимъ отъ васъ точно обновленные! Вы отъ благодати Божіей къ намъ поставлены!“ говорили они мнѣ. И я уходилъ отъ нихъ также утѣшенный ихъ сердечными словами, полученными ими отъ благодати Единого и Тогожде Духа Утѣшителя; и мнѣ было отрадно потомъ вести день свой среди невеселыхъ, подъ часъ, впечатлѣній одинокой учительской жизни.

Свящ. Д. Бажановъ.

Завѣдующій Гуслицкой второклассной школой
26 августа.
1901.

II.

Школьная библиотека—вѣдь это вторая школа, да и школа, нужно замѣтить, въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова. Она прекрасно можетъ служить по-

лезную службу и старому и малому. Только не нужно вносить въ это дѣло никакой умышленности... Только слѣдуетъ прислушаться къ желанію самого народа... А онъ подскажетъ, несомнѣнно подскажетъ, что ему нужно, что хочетъ почитать онъ въ досужее отъ трудовой жизни время. И пойметъ, по опыту пойметъ сельскій библиотекаръ, кто-бы онъ ни былъ, что многое изъ хорошихъ литературныхъ произведеній непонятно нашему сельскому люду и что не все безъ разбору нужно подкладывать ему. Мнѣ припоминается здѣсь слѣдующій фактъ. Одинъ ученикъ, уже по окончаніи курса второклассной школы, прочиталъ „Обрывъ“ Гончарова. И, какъ бы выдумали, на что же этотъ читатель обратилъ здѣсь вниманіе? На религіозныя воззрѣнія Марка Волохова. Все другое въ романѣ какъ-то ускользнуло отъ вниманія юнаго читателя. Юный читатель заключилъ, что въ прочитанномъ романѣ Гончарова говорится о безбожій. Пришлось ему, по поводу Марка Волохова, дѣлать надлежащія разъясненія и вообще пояснить, какъ слѣдуетъ смотрѣть на дѣйствующихъ лицъ въ романахъ и повѣстяхъ. А такихъ читателей не одинъ въ деревнѣ. И намъ думается, грѣшно злоупотреблять досужими часами такихъ мало подготовленныхъ къ чтенію „Обрывовъ“, поселянъ—читателей. Вѣдь каждый опытный и честный руководитель народа знаетъ, что герои романа ничто иное, какъ представители различныхъ направленій и вообще различныхъ сторонъ жизни той или другой эпохи, что писатель романа—тоже продуктъ извѣстнаго историческаго момента, что его симпатіи и антипатіи къ тѣмъ или другимъ героямъ даннаго романа опять не есть нѣчто безусловно вѣрное, достойное слѣдова-

подражанія. Читатель долженъ дойти, такъ сказать, до сознанія, что къ дѣйствующимъ лицамъ и самому писателю романа нужно относиться критически. Но мыслимое ли дѣло предполагать, что все это пойметъ и разгадаетъ нашъ читатель—простолюдинъ? Въ лучшемъ случаѣ не пойметъ, а въ худшемъ—посвоему перетолкуетъ онъ данное не по его разуму чтеніе... И едва-ли много нужно говорить о той безспорной правдѣ, что нашъ народъ православный до мозга костей проникнуть преданностью Православной Церкви... Православіе—вотъ что поддерживаетъ и животворитъ нашего простолюдина. Такъ вотъ въ бібліотекѣ и нужно помѣщать какъ можно болѣе книгъ съ религіозно-нравственнымъ и историческимъ содержаніемъ. Соприкасавшійся съ народомъ не будетъ оспаривать этого. Позволяемъ себѣ привести нѣсколько фактовъ, обосновывающихъ это положеніе. По желанію ихъ можно бы указать еще болѣе...

Сентябрь уже подходит къ концу. Жизнь школы (городской) давно уже шла по своей колеѣ. Ученики принялись за чтеніе книгъ изъ бібліотеки. Особенно всѣмъ интересны были новыя книги, только что выпи-санныя въ бібліотеку. Онѣ овладѣли вниманіемъ дѣтей; сужденіе о новыхъ книгахъ сдѣлалось какъ бы насущнымъ вопросомъ. Вѣсть о новыхъ школьныхъ книгахъ проникла въ дома родителей учащихся и даже въ сосѣднія съ городомъ селенія. Одинъ грамотный крестьянинъ, узнавъ отъ сына о новыхъ книгахъ, пришелъ ко мнѣ и спрашиваетъ дать ему почитать за какой либо мѣсяцъ житія святыхъ въ русскомъ переводѣ. Въ школу были выписаны житія святыхъ Бахметевой. Что тебя заставило идти ко мнѣ за книгой?—спрашиваю старика.

— Говорятъ, слишкомъ понятно написаны ваши книги. Дай, ради Бога, почитать житія святыхъ.

— Да сейчасъ нельзя, эта книга отдана ученику. Не желаешь ли другую?

— Да давай, можетъ быть, почитаю; я люблю читать хорошія, божественныя книги. Я недавно прочиталъ про Серафима Саровскаго. Хорошо!.. Двѣ недѣли уже прошло, какъ прочиталъ, и теперь все помню.

Старикъ началъ было даже содержаніе книги передавать.

Видя бойкій рассказъ старика о прочитанномъ, я рѣшилъ для пробы дать ему изъ географическаго отдѣла книжку „Волга“.

— Вотъ, дѣдушка, почитай, хорошая книга, а потомъ я для тебя приготовлю и житія святыхъ.

Старикъ ушелъ.

Черезъ недѣлю онъ опять пришелъ ко мнѣ.

— Нѣтъ, не понравилась мнѣ ваша книга. Многое изъ нея я не понимаю. Да и человѣкъ я старый, пора къ смерти готовиться, о спасеніи души нужно заботиться, а по Волгѣ мнѣ уже не ѣздить. Вотъ внукъ вырастетъ, такъ онъ можетъ быть когда и поѣдетъ, ему это, пожалуй, пригоже будетъ.

Я далъ старику усердно просимую книгу.

Черезъ недѣлю опять пришелъ старикъ, но уже въ другомъ настроеніи. Довольство такъ и сияло въ его глазахъ.

— Прежде всего, началъ старикъ, спасибо тебѣ, батюшка! (Въ то время я еще былъ свѣтскій). Спасибо, на старости лѣтъ ничего болѣе не желаю читать. Ужъ вотъ какъ я доволенъ, вотъ какъ доволенъ!.. Не будетъ ли милости за другой мѣсяцъ дать почи-

тать мнѣ такую же книгу? Въ этихъ книгахъ о всякихъ искушеніяхъ сказано, и нынѣ въ жизни постоянно все искушенія, то болѣзнь, то голодь... Да и о спасеніи души хорошо сказано. Спасибо, что утѣшилъ меня, старика...

Помнится мнѣ и еще, правда, нѣсколько иной, случай, который говорить, однако, о томъ, что не любить нашъ народъ праздноѣ фантазіи, не любить онъ доискиваться въ книгахъ до навязываемыхъ въ романахъ идей...

Состоялъ я учителемъ въ другой школѣ. Тоже при школѣ сформирована была небольшая бібліотека для чтенія. Поступили въ бібліотеку новыя книги. Между прочимъ выписана была книга „Князь Серебряный“. Въ первый разъ эта книга дана была для чтенія самому старшему и лучшему ученику двухклассной школы. Ученикъ остался необыкновенно довольнымъ. О существованіи въ бібліотекѣ хорошей исторической книги скоро узнали и взрослые крестьяне. И вотъ однажды вечеромъ приходитъ ко мнѣ крестьянинъ лѣтъ пятидесяти.

— Дай, батюшка, мнѣ почитать книгу „Князь Серебряный“; давно я слышалъ про эту книгу. Въ Москвѣ я работалъ, слышалъ, что въ этой книгѣ написано про Царя Ивана Грознаго. Но до сего времени нигдѣ не могъ достать эту книгу.

— Нѣтъ, говорю, сейчасъ не могу дать, книга еще не переплетена, ты порвешь ее, да и завтра нужно будетъ отослать ее переплетчику.

— Батюшка! дай, Христа ради, на свои деньги переплету, если порву книгу....

Пришлось уступить настойчивой просьбѣ. Недѣли черезъ двѣ крестьянинъ возвратилъ мнѣ книгу.

— Что такъ долго не приносишь, или трудно читать?

— Нѣтъ, я давно прочиталъ, да сосѣдь еще читалъ. Ужъ больно хороша! Вѣдь это все правда описана. Много есть книгъ, да все не то, тамъ все описаны пустяки, описаны все люди нехорошіе, читать-то стыдно... Да и не все понятно въ такихъ книгахъ... (крестьянинъ разумѣлъ романы и повѣсти съ трудно-уловимымъ для простолюдина смысломъ).

Приведу и еще примѣръ.

Шла первая недѣля Великаго Поста. Я, будучи уже священникомъ, послѣ вечерни исповѣдывалъ. На исповѣди мало было народа. Послѣднею подошла ко мнѣ мать самаго лучшаго и старшаго ученика нашей школы. Исповѣдовавшись, она спросила меня, можно ли ей еще кое что сказать мнѣ. Я согласился выслушать.

— Я, батюшка, о сынѣ своемъ — Сережѣ. Я особенно люблю божественныя книги слушать, сама-то я не грамотная. Онъ, бывало, все вслухъ намъ всѣмъ семейнымъ читалъ ихъ. Но вотъ сталъ мало онъ носить изъ школы такихъ книгъ, все какія-то читаетъ для насъ непонятныя. (Сынъ ея обучался въ учительскомъ классѣ второкласной школы). Когда онъ былъ поменьше, то его, бывало, заставишь и повторить книжку-то, а теперь говорить: „некогда мнѣ вамъ читать, у меня уроковъ много, да и повторять одну и ту же книгу мнѣ не хочется, я въ своей бібліотекѣ всѣ книги перечиталъ“. Бывало, Сережа дома псалтирь читалъ (тогда онъ готовилъ къ урокамъ, читалъ псалмы), а теперь рѣдко когда читаетъ. Ужъ не испортился ли онъ? Ты бы ему, батюшка, божественныя книжки давалъ?

Выслушавъ свою собесѣдницу, я

сказалъ все, что слѣдуетъ сказать въ утѣшеніе скорбящей матери.

О чемъ говорятъ всѣ эти факты? Для непредубѣжденнаго читателя понятно, что во всѣхъ описанныхъ случаяхъ говорить неподдѣльная русская, православная натура.

Русскому человѣку, непрошедшему школу или только ознакомившемуся съ грамотой, давай книгу религиозную, давай книгу, въ которой описана правда, нарисована дѣйствительная жизнь. По поводу сказаннаго невольно приходятъ на память еще факты, ясно говорящіе противъ защитниковъ пригодности свѣтской литературы для народа въ полномъ ея видѣ.

Въ одномъ уѣздномъ городѣ были чтенія для народа съ свѣтовыми картинами. Тутъ были представители отъ земства, учителя народныхъ министерскихъ и церковныхъ школъ. Брошюры для чтенія изъ одобреннаго каталога избирались обыкновенно на общемъ собраніи чтецовъ. Бывали, къ слову сказать, иногда при выборѣ брошюръ и разногласія. Земцы болѣе стояли за брошюры свѣтскаго содержанія, церковники — за религиозный отдѣлъ.

Особенно, помнится, рьяными защитниками всего свѣтскаго были на чтеніяхъ одинъ учитель и учительница. Оба они довольно пожилые и, какъ преподаватели — весьма опытные, и какъ чтецы знаменитые. Учитель земець болѣе всего стоялъ за чтенія изъ области естествовѣдѣнія, учительница — за беллетристику. На общемъ собраніи, между прочимъ, рѣшили предложить учителю прочесть что либо изъ своего излюбленнаго отдѣла, а учительницѣ изъ Тургенева „Бѣжинъ лугъ“. И что же вышло? Учитель — земець читалъ о планетахъ, читалъ выразительно, для интеллигента

весьма понятно и толково, но слушатели — простолюдины остались совершенно равнодушными къ чтецу. Всѣ жесты дѣловые, повышенія и пониженія въ интонаціи, внушительные взгляды на публику — положительно остались безуспѣшны. Всѣ тѣ приемы, которые не одинъ разъ на тѣхъ же самыхъ чтеніяхъ, но только на историческихъ и религиозно-нравственныхъ статьяхъ, помогали лектору совершенно овладѣвать вниманіемъ публики на самое продолжительное время, оказались положительно непригодными для водворенія хотя сноснаго порядка и пробудить хотя немного вниманія. Лекторъ самъ сознавался, что сдѣлалъ промахъ, взявшись читать изъ области малопонятной для простолюдина. Неудача на описанномъ чтеніи для всѣхъ была очевидна, но она не привела еще къ открытому сознанію ошибки земцевъ въ своихъ взглядахъ на матеріалъ для чтенія народу. И храбрая учительница всетаки выступила на каеэдру для чтенія Тургеневскаго произведенія. (Сама лекторша была жаркая поклонница Тургенева). Слушателей было довольно порядочно. Было много и интеллигентовъ — провинціаловъ. Послѣднимъ лекторскія способности данной учительницы хорошо были извѣстны. Для удобства чтенія все возможное было предпринято, назначили двухъ лишнихъ учителей для наблюденія за порядкомъ въ залѣ слушателей. Вотъ все подготовлено къ чтенію, окна закрыты, огни потушены. Раздался звонокъ къ вниманію. Слушатели приумолки. Выступила на сцену лекторша. Слышится заголовокъ брошюры „Бѣжинъ лугъ“. Публика устремила взоры на лекторшу. Лекторша бойко произноситъ предложеніе за предложеніемъ, гдѣ нужно жестикулируетъ, останавливается,

взглядываетъ на публику.... Интеллигенты начинаютъ одобрительно улыбаться. Но.... еще секунда и въ заднихъ рядахъ начинается зловѣщій шорохъ. Нетерпѣливые простолюдины начинаютъ шевелиться.... А вотъ и заговорили.... Кто-то въ слухъ сказалъ: „это что-то не понятно!.. Пойдемте домой!.. Это не про насъ писано!“.. Лекторша начинаетъ смущаться. Сторонники ея тоже приходятъ въ безпокойство, и уже обмѣниваются взглядами иначе, чѣмъ передъ чтеніемъ. Учителя—блюстители порядка, при всемъ своемъ желаніи, никакъ не могутъ водворить его. Народъ, цѣлыми партіями, направляется къ выходу. Дверь стучить, гремятъ скамьи, слышится покашливаніе...

Жаль было лекторшу! Болѣе она читать уже не бралась, да и за чтенія на собраніяхъ изъ излюбленнаго отдѣла такъ горячо не стояла.

Нѣтъ, въ рѣшеніи вопроса о школьныхъ бібліотекахъ всякія предположенія совершенно должны быть изгнаны. Прислушайся къ голосу народа, приобрати въ бібліотеку, что требуетъ народъ. Народъ идетъ своимъ путемъ въ своемъ развитіи. Руководителямъ же его нужно только идти въ слѣдъ за нимъ, да гдѣ нужно поддерживать, направлять къ благому, такъ сказать, облегчать различныя потуги.

Желательно, конечно, чтобы нашъ простолюдинъ читалъ и газеты и полезные журналы. Но его нужно еще развить нужно научить напередъ разбираться въ томъ, что ему полезно и вредно. Я зналъ одного грамотея—крестьянина. По воскреснымъ днямъ, сидя у дома, любилъ онъ почитать газету. Вотъ выходитъ на улицу дядя Ефимъ съ газетой. Собираются около него мужички. (Бабы никогда не подходили къ дядѣ Ефиму, онъ имъ всегда

говорилъ, что это-де дѣло не бабьяго ума). Дядя Ефимъ начиналъ читать газету. Число и номеръ газеты никогда не принимались во вниманіе. Если попадала газета прошлаго года, то и это ничего не возмущало.

— Ну, дядя Ефимъ, что про хлѣбъ пишуть?... Каковъ урожай?... Травы есть ли?

— Пишуть, что въ пяти губерніяхъ хлѣбъ градомъ побило, а вотъ еще пишуть, жукъ напалъ на хлѣбъ... Хлѣбъ подорожалъ, мука на гривенникъ повысилась...

И дядя Ефимъ бралъ газету и что пибудь почти по складамъ прочитывалъ объ урожаяхъ.

— Такъ по чемъ же ты-то, дядя Ефимъ, будешь намъ изъ своей лавки отпущать муку?

— Лишняго не возьму, какъ люди торгуютъ, такъ и мы будемъ отпущать муку, приходите.

— Вотъ, братцы, продолжалъ дядя Ефимъ, такъ воры есть на свѣтъ!.. Въ Москвѣ на улицѣ челоуѣка ограбили... Малазинъ большой обокрали... Небось, хозяинъ-то убивается! Наживалъ, наживалъ челоуѣкъ и вдругъ обокрали. Вотъ доведись до меня... не перенесешь. Вы ужь, ребята, при нуждѣ поддержите меня.

— У! У!.. дядя Ефимъ, мы за твое добро не дадимъ тебя и въ обиду...

Дядя Ефимъ улыбался, чувствуя силу и превосходство надъ окружающими.

Покончивъ сужденія, дядя Ефимъ еще прочиталъ изъ судебного отдѣла.

— Видите, ребята, пояснялъ деревенскій грамотей, челоуѣкъ пятерыхъ зарѣзалъ, восемь свидѣтелей, а присяжные-то оправдали, говорятъ улики не ясны...

— Чтожъ такое пятерыхъ зарѣзалъ! Убей двадцать челоуѣкъ и если тебя

не увидятъ или не поймутъ, то не обвинять... вотъ законъ-то какой! проговорилъ крестьянинъ среднихъ лѣтъ...

Послѣ просмотра отдѣла газеты о кражахъ, разбояхъ, судахъ, толпа начала припоминать анекдоты о ворахъ и преступникахъ. И за такой бесѣдой просиживали сельскіе грамотеи часа два, три. И сколько здѣсь всякихъ перетолкованій! Сколько неправильныхъ и соблазнительныхъ сужденій! И полезно ли подобное чтеніе, когда чтець такъ плохо разбирается въ немъ? Правда, болѣе пріятное впечатлѣніе получается при видѣ чтецовъ—простодивовъ за журналами. Есть у насъ на Руси журналы и подходящіе для народа. Намъ не одинъ разъ приходилось слышать отъ крестьянъ пересказъ статей изъ „Русскаго Паломника“. Лично къ намъ обращались съ просьбой дать почитать что либо изъ приложенийъ къ названному выше журналу. И разумѣется, хорошо было бы, еслибы у насъ побольше появлялось подходящихъ для народа журналовъ! И навѣрное можно было бы сказать, что молодое поколѣніе, прошедшее ту или другую школу, справилось бы съ подобнымъ журналомъ. Какъ это ни странно, но должно правду сказать, что нѣсколько иная судьба журналовъ по сельскому хозяйству. Я лично имѣю подъ руками нѣсколько журналовъ подобнаго рода. Желая познакомить своихъ питомцевъ со всѣмъ полезнымъ въ жизни, я, между прочимъ, предложилъ почитать „Сельскій Хозяинъ“ старшимъ ученикамъ второклассной школы. Оказалось, ученики охотно взяли за чтеніе его, но слишкомъ скоро разочаровались въ немъ. Непонятная терминологія положительно сбила ихъ съ толку. Одинъ изъ подобныхъ чтецовъ взялся было чи-

тать о пчеловодствѣ, заинтересовался устройствомъ рамчатыхъ ульевъ. Но по выше указанной причинѣ съ половины статьи бросилъ журналъ. Почти на каждой строкѣ пришлось чтецу задавать себѣ вопросъ: „а что это значить?“ Если ученикъ второклассной школы не могъ читать журналъ „Сельскій Хозяинъ“, то что же выйдетъ изъ чтенія подобныхъ произведеній простымъ-то народомъ? Нѣтъ, простой народъ надолго еще долженъ остаться простымъ народомъ! Одной только пылкой фантазіею его и можно возвести на степень сознательно читающаго газеты и журналы. И если хотя бы помочь ему, если хотя бы вывести его изъ тьмы невѣдѣнія, то прежде всего нужно заботиться о томъ, чтобы онъ могъ понять то, что ему предлагаютъ и извлечь изъ этого пользу. И какое широкое и плодотворное поле открывается здѣсь честному труженнику школы! Въ качествѣ бібліотекаря сѣмѣетъ онъ быть полезнымъ деревенскому читателю, онъ разобѣетъ ихъ на группы, сѣмѣетъ заглянуть въ ихъ души и обязательно пойметъ, кому и какое нужно чтеніе. Все, что сказано здѣсь о бібліотекахъ, должно быть отнесено и къ читателямъ, росшимъ и обучавшимся безъ школьныхъ бібліотекъ. Есть что-то врожденное въ душѣ русскаго человѣка, надъ чѣмъ невольно задумаешься, когда рѣчь идетъ о характерѣ народнаго чтенія. Назидательное и полезное—вотъ что нужно ему и нужно это въ понятномъ и доступномъ ему изложеніи. И тогда полюбитъ народъ свою бібліотеку. Онъ самъ будетъ пополнять ее и пріобрѣтать въ нее полезныя книжки. А среди поселянъ вѣдь тоже немало радѣтелей о своемъ благѣ, о своей пользѣ...

Свящ. І. Молебновъ.

ПРОТОІЕРЕЙ МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ХИТРОВЪ.

(Окончаніе)¹⁾.

Когда вѣсть о внезапной кончинѣ о. Михаила огласилась, къ его смертному ложу со всѣхъ сторонъ спѣшили его знающіе: простой народъ массами шель проститься съ нимъ. Въ тотъ же день вѣсть о его кончинѣ достигла Москвы. Можно себѣ представить, какую глубокую скорбь вызвала она въ сердцахъ тѣхъ, кто зналъ, почиталъ и любилъ о. Михаила! Нѣкоторые изъ нихъ, уже зная, что онъ скончался, получили въ среду (28 апрѣля) отъ него письма, писанные видимо—за нѣсколько часовъ до его кончины... Въ одномъ изъ нихъ сердобольный о. Михаилъ между прочимъ дружески просить начальницу Ф. училища — не быть строгою на экзаменахъ: „вѣдь экзамены знанія не прибавятъ“, говоритъ онъ... Это письмо было прочитано уже тогда, когда телеграмма извѣстила о кончинѣ о. Михаила и училище успѣло уже принести первую свою молитву объ упокоеніи души своего бывшаго пастыря и руководителя.

Первою мыслию москвичей было — похоронить дорогой прахъ отца протоіерея въ Москвѣ. Съ такимъ намѣреніемъ его братья и отправились въ Петербургъ. Преосвященный Гурій, предсѣдатель Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, съ любовію разрѣшилъ похоронить о. Михаила, какъ своего помощника, въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ, настоятелемъ коего онъ состоялъ. Онъ самъ совершилъ отпѣваніе о. Михаила въ церкви Милующей Божіей Матери, въ которой почившій проповѣдывалъ. И вотъ, въ пятницу, 30 апрѣля, мы встрѣчали нашего дорогого москвича на вокзалѣ

Николаевской желѣзной дороги. Къ 6 часамъ вечера на платформѣ этого обширнаго вокзала собрались его ученики, друзья и почитатели. Изъ ближайшей церкви принесены крестъ и хоругви, священнослужители были въ бѣлыхъ облаченіяхъ. Во главѣ ихъ сталъ о. ректоръ московской духовной семинаріи и нижеподписавшійся. Тихо подошелъ поѣздъ съ траурнымъ вагономъ въ концѣ. Когда вагонъ былъ открытъ, туда вошелъ инспекторъ Филаретовскаго епархіальнаго училища, преемникъ о. Михаила по служенію, и сказалъ теплое слово привѣта. Позади слышались плачь и рыданія: это плакали воспитанницы училища, вышедшіе встрѣтить своего дорогого „батюшку“. Послѣ краткой литіи одна изъ нихъ, едва сдерживая слезы, прочитала предъ дорогимъ гробомъ рѣчь, въ которой излила скорбь своихъ подругъ... Открылось шествіе—чрезъ всю Москву, на протяженіи около десяти верстъ, въ Донской монастырь. У попутныхъ церквей гробъ встрѣчало духовенство съ хоругвями, служило литіи; ученики образцовой церковно-приходской школы при духовной семинаріи провожали пѣніемъ *Христосъ Воскресе...* А до Харитоніевскаго переулка, гдѣ находится Филаретовское училище, пѣли воспитанницы этого училища. Въ виду училища стояли всѣ прочія воспитанницы: тутъ также совершена литія. Уже было поздно, и ночь покрывала обитель Донскую, когда къ ней приблизилось шествіе. До 20 литій совершено было на этомъ долгомъ пути. Масса народа сопровождала гробъ, по всему пути раздавался церковный звонъ...

¹⁾ См. № 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8 и 9.

У св. вратъ обители шествіе встрѣтилъ о. намѣстникъ архимандритъ Власій съ архим. Алексіемъ и братією и совершили литію. А когда гробъ внесень былъ въ соборъ и поставлень на мѣсто, я обратился къ почившему съ пасхальнымъ привѣтомъ:

„Дорогой нашъ отецъ Михаилъ,
Христось воскресе!“

Думали ли мы встрѣчать тебя этимъ свѣтлорадостнымъ привѣтомъ воскресенія—въ такой глубоко-печальной обстановкѣ?.. Ахъ, какъ скоро сбылось твое слово, что писалъ ты мнѣ недѣли три-четыре назадъ: „показалась послѣдняя грань... и можетъ быть близко... Буди воля Божія“... Вотъ и совершилась надъ тобою эта воля Божія, и переступилъ ты эту послѣднюю таинственную грань, и мы встрѣчаемъ тебя слезами, чтобы проводить на вѣчный покой. Прости намъ эти слезы: онѣ такъ естественны.. Вѣдь Самъ Живодавецъ плакалъ надъ гробомъ друга Своего Лазаря.. Но и сквозь эти слезы мы все же говоримъ тебѣ: *Христось воскресе!* Пусть безмолствуетъ сей гробъ, заключающій бранные, но для насъ драгоценные твои останки: мы сердцемъ слышимъ твое отвѣтное: *воистину воскресе!* Ахъ, какъ больно этому сердцу чувствовать, что не можемъ мы прижать тебя къ этому сердцу, заключить тебя, нашего дорогого, нашего незабвеннаго о. Михаила, въ свои братскія и дружескія объятія!.. Но надобно помнить твое же слово: „буди воля Божія!“

Гряди же, почій отъ трудовъ своихъ, труженикъ нивы Божіей неуспынный! Пусть намъ кажется, что день твой не достигъ и шестого часа: небесный Домовладыка исчислитъ тебѣ полный день труда. Вѣдь Онъ и дѣяніе пріемлетъ, и намѣреніе цѣлуетъ,

и предложеніе хвалить. Блаженъ убо путь, въ онъже идиши днесъ, дорогой нашъ!

А мы будемъ искать себѣ утѣшенія въ молитвѣ за тебя. Вѣдь такъ сердцу отрадно молиться за того, кто близокъ сердцу... И въ этой молитвѣ будемъ укрѣплять надежду, что когда настанетъ и для насъ послѣдній часъ—а кто знаетъ? можетъ быть онъ уже и не далекъ отъ насъ?—ты встрѣтишь насъ за той таинственною гранью, которую ты уже перешель, встрѣтишь и тогда мы не разлучимся съ тобою уже никогда!“...

Послѣ этой рѣчи изъ олтаря вышелъ преосвященный Антоній, живущій на покоѣ въ Донскомъ монастырѣ, и отслужилъ панихиду. На другой день заупокойную литургію совершилъ преосвященный Тихонъ, епископъ Можайскій, въ сослуженіи архимандритовъ Паренія и Никона, и родственниковъ почившаго, а на панихиду прибылъ самъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Владиміръ. Вмѣсто причастнаго стиха было сказано слово священникомъ І. Ѳ. Мансветовымъ, редакторомъ „Московскихъ Церк. Вѣдомостей“, въ которыхъ почившій одно время принималъ самое горячее участіе. По совершении панихиды, въ которой кромѣ митрополита участвовали оба вышеупомянутые преосвященные, четыре архимандрита, протопресвитеръ Успенскаго собора и многіе изъ духовенства московскаго, тѣло было вынесено на плечахъ священнослужителями, сыномъ и братьями покойнаго и опущено въ могилу. Надъ открытою могилой одинъ изъ братьевъ сказалъ послѣднее, полное сердечнаго горя, прощальное слово, а послѣ него одинъ изъ учениковъ его, отъ лица всѣхъ своихъ товарищей, сказалъ рѣчь, въ которой охарак-

теризоваль о. Михаила, какъ преподавателя исторіи и закона Божія. Съ болью сердца еще разъ взглянули мы на дорогой гробъ и онъ навсегда скрылся въ нѣдрахъ земныхъ...

Сбылось завѣтное желаніе почившаго. Когда-то онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: „я не могу забыть своего дѣтства, не могу забыть праздниковъ Рождества, Святой недѣли. Не могу забыть душевнаго волненія, когда ночью въ Рождество, на Страстной или Святой недѣлѣ подымали насъ къ божественнымъ службамъ. О, дивныя, дорогія, неизгладимыя воспоминанія! Утренняя Великой субботы... Еще темно... Идемъ въ нашъ сельскій храмъ... Холодно, но душа въ радостномъ волненіи... Таинственныя пѣсни канона: „Волною морскою“... Я не понималъ ихъ смысла, но онѣ поразительно дѣйствовали на душу. Признаюсь, я желалъ бы навсегда остаться при моемъ дѣтскомъ непониманіи и при прежнемъ трепетномъ чувствѣ. Крестный ходъ вокругъ церкви съ плащаницею и свѣчами. Уже свѣтлѣло... Уже было „свѣтаючи“... Возвращеніе домой... Я любилъ палочкой разбивать тонкій ледъ, образовавшийся за ночь, и наблюдать, какъ струится весенняя вода. А ночь Свѣтлаго Христова воскресенія! Но развѣ все выскажешь? Порой мнѣ приходитъ мысль: какъ я желалъ бы умереть? А вотъ какъ: въ моментъ смертнаго часа я желалъ бы, чтобы пѣвчіе пѣли пѣсни канона Великой субботы и дивнаго Пасхальнаго. И такъ бы заснуть, слушая небесные, родные, дорогие, незабвенные звуки“.

И вотъ эти родные, незабвенные звуки пасхальныхъ пѣснопѣній, торжествуя надъ смертью, радостно раздавались надъ его гробомъ, его могилой...

Почивай же подъ эти дивные звуки, дорогой о. Михаилъ, до радостнаго утра всеобщаго воскресенія!

Вѣчная тебѣ память, дорогой другъ, братъ, сотрудникъ и сомолитвенникъ! Твой свѣтлый образъ не умретъ въ нашихъ сердцахъ дотолѣ, пока паки не узримъ мы тебя—въ будущей жизни, о чемъ и будемъ молиться, пока пребываемъ въ семъ земномъ странствованіи... А пока пусть звучитъ въ нашей душѣ, какъ твой завѣтъ, эти слова твои, слова, въ тоже время изображающія весь подвигъ и твоей собственной жизни:

„Всякое истинно живое дѣло творить любовь, святое одушевленіе, окрыленное молитвой и надеждой на помощь свыше. И такой трудъ изъ любви къ дѣлу, изъ послушанія святой волѣ Божіей, такой трудъ, даже тяжкій, трудъ безъ отдыха, изнурительный, трудъ-страда, трудъ съ лишениями, съ бессонными ночами, со слезами, никогда не очерствитъ сердца, не озлобитъ, напротивъ, дастъ труженику такія утѣшенія, о которыхъ не смѣютъ и мечтать изнѣженные роскошью и лѣнью. Такой трудъ приведетъ къ Тому, Кто произнесъ эти чудныя божественныя слова: „Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные!“ (Мѡ. 11, 28).

И еще—это теплое слово къ дѣтямъ, которыхъ ты такъ горячо любилъ, воспитанію коихъ такъ много отдалъ своей жизни:

„Растите, дорогія русскія дѣти, растите, какъ роза, растущая на полѣ при потокѣ, издавайте благоуханіе, какъ ливанъ; цвѣтите, какъ лилія, и пойте пѣснь, благословляйте Господа во всѣхъ дѣлахъ, величайте имя Его и прославляйте Его хвалою Его, пѣснями устъ и, прославляя, говорите такъ: „всѣ дѣла Господа весьма благо-

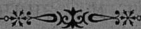
творны, и всякое повелѣніе Его въ свое время исполнится!“ (Сир. 39, 16—21).

Вскорѣ послѣ кончины о. Михаила мы получили отъ одного изъ почитателей почившаго письмо, полное глубокаго сочувствія нашей скорби и заканчивавшееся стихами, которые мы и приводимъ здѣсь:

„Пусть міръ загробный и далеко,
Но близки души дорогихъ;
Пусть ихъ не видитъ наше око,
Но сердце слышитъ рѣчи ихъ:

„И видѣ, и жизнь, въ насъ все иное,
И лучше намъ, что мы ушли,—
Но все же помнимъ мы былое
И нашихъ спутниковъ земли.
Мы не совсѣмъ разстались съ вами,
Мы принимаемъ съ вышины,
Когда намъ свѣтите лучами
Любви, молитвы, тишины.
Любовь родная окриляетъ
Молитву вашу въ небеса;
Она намъ душу орошаетъ,
Какъ землю свѣтлая роса...“

Архимандритъ Нинонъ.

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина.

(Продолженіе) ¹⁾.

28 Октября. До сегодня я шеголялъ въ холодныхъ сапогахъ, отчего, конечно, ужасно костенѣли ноги, а нынѣ мнѣ отецъ привезъ теплые. Вотъ благодать-то! Хорошо теперь ногамъ, тепло, только начинаютъ прозябать мои грѣшныя тѣлеса: поддѣвчѣнка моя изнасилась, пиджакъ тоже въ лохмотья истрепался. На прошлой недѣлѣ я даже пропустилъ статью: „Примѣты лѣниваго крестьянина“, не задавъ ее ученикамъ для чтенія. И по очень простой причинѣ: тамъ есть фраза такого рода: „у лѣниваго крестьянина всего одинъ зипунъ, да и тотъ въ дырахъ“. Эта-то фраза меня и заставила пропустить всю статью, а то при объяснительномъ чтеніи станешь читать ее ученикамъ, а они, шельмецы, очень просто подумаютъ: „а у нашего учителя одинъ пиджакъ, да и тотъ въ дырахъ“. Впрочемъ у меня это не отъ лѣни, но отъ недостатка

финансовъ, а всетаки не ловко. Ну, да тужить-то очень не буду: въ грядущемъ и новый пиджакъ сошью, тогда и статью пройду.

29 Октября. Вчера вечеромъ чай у меня вышелъ весь, а нынѣ утромъ самоваръ все таки я себѣ скипятилъ. Что дѣлать? привыкъ. Въмѣсто чая заварилъ богородицкую травку, которая, по словамъ моей бабушки, очень „скусна“. Вкусна-то она-вкусна, да только отъ нея у меня всю грудь застилаетъ, и я, выпивъ одинъ стаканчикъ настоя этой „скусной“ травки, не сталъ болѣе пить, а сегодня вечеромъ вынужденъ былъ пить одинъ кипятокъ. И поневолѣ сталъ я „отчаянный“, какъ называютъ наши раскольники людей, пристрастныхъ къ чаепитію. Но я скоро буду и „отсахаренный“, потому что и этого продукта у меня всего дня на три.

31 Октября. Наступили ужасные морозы, а нынѣ еще всю ночь бушевала

¹⁾ См. № 7, 8 и 9.

вьюга; квартиру мою дотого пробираетъ, что когда я встаю по утрамъ и подхожу къ ведрамъ, стоящимъ на полу, то всегда нахожу въ нихъ воду, покрывшуюся льдомъ.

3 Ноября. Сегодня я вынужденъ былъ искать себѣ квартиру; ибо мое помѣщеніе буквально все промерзаетъ отъ недостатка отопленія. Бабушка уѣхала сегодня-же въ Шуты, ибо въ такомъ холодѣ жить ей не по лѣтамъ. Долго я путешествовала по Абашеву, отыскивая подходящую квартиру. Наконецъ единовѣрческій псаломщикъ сжалился надо мною безпріютнымъ и согласился принять меня къ себѣ.

11 Ноября. На дняхъ я поинтересовался узнать: есть-ли у крестьянъ на дому собственныя книги и какія именно, для каковой цѣли и просилъ учениковъ принести въ школу всѣ книжечки, кто и гдѣ какія найдетъ. Малыши исполнили мою просьбу въ точности: цѣлые пуки книжечекъ были ими принесены въ классъ дня три тому назадъ, и я занялся пересмотромъ этой „литературы“. Въ числѣ принесенныхъ книгъ фигурировали различныя Бовы Королевичи, Ерусланы Лазаревичи, Гуаки, Бабы Яги и т. п. и т. п.

Отъ нечего дѣлать, я все таки

„Перечиталъ всю эту чепуху,

Но мнѣ не удалось, какъ... въ баснѣ пѣтуху,

Найти жемчужины въ навозѣ“.

Возвращая сегодня эти книжечки, я посовѣтывалъ ученикамъ впередъ не пріобрѣтать подобныхъ симъ, а эти, тѣмъ или инымъ способомъ, предать ауто-дафе, такъ какъ большая часть въ этихъ книжицахъ достойна, безъ сомнѣнія, такого наказанія.

13 Ноября. Сегодня на перекличкѣ я не досчитался нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ. Отсутствующими

оказались раскольники. Причину ихъ отсутствія ученики объяснили мнѣ тѣмъ, что къ раскольникамъ пріѣхалъ бѣглый попъ, и что раскольники теперь всѣ съ своими семействами собрались въ моленную, дабы принять благословеніе отъ руки „древлеправославнаго іерея“ и удовлетворить прочія духовныя потребности, касающіяся его мнимой власти. Извѣстіе это огорчило меня до крайности: я мысленно сравнилъ свое положеніе съ положеніемъ бѣднаго пастуха, у котораго кровожадный волкъ похитилъ значительную часть стада. Поскорбѣвъ душою при взглядѣ на пустыя парты я рѣшился, во что бы то ни стало, посмотрѣть моего досадителя. Часовъ въ 7^{1/2} вечера я вмѣстѣ съ псаломщикомъ — моимъ квартирохозяиномъ С—мъ Θ—чемъ отправился къ дому хозяина моленной, гдѣ остановился безсовѣстный самозванецъ. Около моленной толпилась въ праздничныхъ одеждахъ масса народа всякаго возраста и пола и все старообрядцы. Въ моленной же происходило слѣдующее: бѣглець сидѣлъ на стулѣ посреди моленной, облеченный въ богатую ризу. Самозванецъ былъ „на второмъ взводѣ“, какъ выразился мой С. Θ., т. е. порядкомъ стукнувши, но это не мѣшало ему совершать „тайнство мѣропомазанія“ и притомъ сидя. Одинъ изъ начетчиковъ держалъ передъ нимъ въ грязнѣйшихъ рукахъ сосудецъ съ какою-то жидкостью. „Древлеблагочестивый презвитеръ“ торопливо тыкалъ кисточкой въ этотъ сосудецъ и помазывалъ подносимыхъ къ нему бабами младенцевъ, громко произнося заплетающимся языкомъ слова: „печать дара Духа Святаго“.

При всемъ томъ „батюшка“ ужасно торопилъ бабъ, называя ихъ за не-

поворотливость самыми неслестными для нихъ именами въ родѣ слѣдующихъ: торба, колода, корова и т. п. С. Θ. хихикалъ около меня, зажимая носъ, чтобы громко не расхохотаться. Но вотъ бѣглець приподнялся, крикнулъ что-то по-сердитому на одну неповоротливую бабенку и такъ въ сердцахъ ткнулъ кисточкой во „св. муро“, что сосудецъ выскочилъ изъ рукъ мужика и со стукомъ покатился подъ ноги бабъ. Мой С. Θ. тутъ уже не выдержалъ и разразился смѣхомъ, а самъ скорѣе отъ окна утекать пустился во вся тяжкая, я—за нимъ, и чрезъ 10—15 минутъ мы были уже дома. И жалъ было мнѣ бѣдныхъ старообрядцевъ, которые до того погрязли во тьмѣ невѣжества, до того ослѣплены душевно, что и не видятъ пролѣзшаго въ ихъ стадо волка, который на столько наглъ и дерзокъ, что даже не счелъ нужнымъ набросить на себя овечью шкуру.

17 Ноября. Еще одно печальное явленіе заношу я въ свой дневникъ: вотъ уже и второй учебный годъ учительствую я въ Абашевской ц. п. школѣ, а еще ни одной дѣвочки не видѣлъ я на школьной скамьѣ. Въ чемъ же заключается причина этого печальнаго явленія? На этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, я долженъ отвѣтить, что причина непосѣщенія дѣвочками школы заключается въ томъ, что крестьяне еще не сознаютъ той пользы, какую можетъ принести школа дѣвочкѣ. Вѣдь каждая дѣвочка есть будущая мать хрістіанка, на обязанности которой лежитъ не только управление домашнимъ очагомъ и исполненіе нѣкоторыхъ другихъ работъ, но главное—хрістіанское воспитаніе дѣтей. И въ этомъ много матерямъ можетъ помочь грамота. А то бываетъ иногда такъ, что приходитъ въ школу мальчикъ

въ первый разъ,—спрашиваешь его—не знаетъ ли онъ какой либо молитвы? Понятія почти не имѣетъ, даже крестнымъ знаменіемъ правильно осѣнить себя не можетъ, а объ усвоеніи имъ до школы простѣйшихъ первоначальныхъ познаній о Богѣ, Его попеченіи о людяхъ—и вообще отношеніи къ міру и говорить нечего. Да и не удивительно. Кто-жъ познакомитъ со всѣмъ этимъ ребенка, когда даже сами его родители понятія не имѣютъ объ этомъ? Дѣти уже, между тѣмъ, съ самага ранняго возраста, когда только что научатся лепетать, бываютъ очень любознательны, все привлекаетъ ихъ вниманіе: и синее небо, и мерцающія звѣздочки, и сіяющее солнце; интересуются они и прочими предметами, ихъ окружающими; любопытство ихъ особенно возбуждается при видѣ предметовъ духовнаго свойства: видятъ дѣти, напр. храмъ, иконы, кресты и т. п. и при этомъ у дѣтей возбуждается любопытство и возникаетъ вопросъ: что это такое? За разрѣшеніемъ этого вопроса ребенокъ обращается, конечно, къ ближайшему существу, т. е. къ матери, которая держитъ его на рукахъ. Но послѣдняя, по причинѣ своего невѣжества и духовной неразвитости, не можетъ удовлетворить правильно любознательности своего дитяти: вмѣсто разумнаго отвѣта внушаетъ ему превратныя понятія о спрашиваемомъ, иногда даже съ присовокупленіемъ суевѣрій, которыя глубоко западаютъ въ душу ребенка и остаются въ ней навсегда. Встрѣчаются въ крестьянской средѣ и такія матери, которыя стараются внушить ребенку суевѣрный страхъ къ духовнымъ предметамъ, достойнымъ почтенія и уваженія: разблажился, напр., ребенокъ, мать, чтобы заставить его замолчать, говорить ему: „не плачь, не то попь

ухо отрѣжетъ“, или: „Боженъка побьетъ“. Послѣ этого не удивительно, что дѣти иногда боятся священника, и, когда ихъ подносятъ приобщать, противятся этому. Но мнѣ извѣстенъ фактъ еще болѣе печальный. На моей родинѣ, въ с. Шутахъ, у одного изъ сосѣдей моего отца есть мальчикъ, который страшно боится... креста. Какъ сумѣли ему внушить это, я не знаю, но этотъ печальный фактъ не сомнѣненъ и служить краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что обязанность матери-христіанки велика, священна и отвѣтственна предъ Богомъ. Еще набросаю нѣсколько строкъ про выше-названнаго мальчика. Въ церковь онъ родителями никогда не водится, не приобщался еще съ тѣхъ поръ, какъ сталъ помнить (ему сейчасъ лѣтъ 6 уже), священника боится и бѣгаетъ изъ дома при его посѣщеніи. Когда играетъ этотъ несчастный мальчикъ на улицѣ, сверстники его, чтобъ его разсердить, кричатъ ему:

— „Татаринъ! Крестъ на тебя надо надѣтъ“. Мальчикъ, при словѣ:

1896—1897 годъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ счастливый путь, за Божье дѣло,
 Къ родимой школѣ дорогой
 Слѣши, собратъ, съ любовью смѣло
 На трудъ свой скромный и святой.
 Съ любовью сѣи зерно ученья
 Въ простыя дѣтскія сердца
 И научи труду, терпѣнью
 И будь примѣромъ ты всегда.
 Своею опытной рукою
 Ты ихъ веди изъ мрака въ свѣтъ,
 И самъ молитвою святою
 Ихъ вдохнови ты съ малыхъ лѣтъ,

„крестъ“, приходитъ въ сильный гнѣвъ, схватываетъ камень съ дороги или палку и пускаетъ въ толпу своихъ товарищей..

Будь у этого мальчика хоть мало мальски развитая духовно мать, и онъ не былъ-бы такимъ. Кто знаетъ? Можетъ быть мать-то и была причиною того, что мальчикъ этотъ боится креста? Можетъ—быть она-то и внушила своему дитяти страхъ къ этому спасительному орудію, внушила шутя, не опасаясь, по своему невѣжеству, серьезныхъ послѣдствій, а результатъ получился очень печаленъ.

Да, великую услугу можетъ оказать своимъ дѣтямъ просвѣщенная мать въ дѣлѣ ихъ христіанскаго воспитанія и, напротивъ, не можетъ въ этомъ дѣлѣ принести своимъ дѣтямъ пользы мать невѣжественная, неразвитая духовно.

И такъ, отсутствіе въ моей школѣ дѣвочекъ, составляетъ положительно рану моего сердца и какъ печальное явленіе заносится мною на страницы сего дневника.

Учитель *Е. Кулиновъ*.

СОБРАТЬЯМЪ ПО ТРУДУ.

Чтобъ въ ихъ сердцахъ всегда го- рѣла
 Любовь къ Всевышнему Творцу,
 Любовью сердце пламенѣло
 Къ Монарху нашему Отцу;
 Чтобы они свои моленья
 Несли къ подножью алтаря
 Въ сердечномъ чувствѣ умиленья
 За Мать, Царицу и Царя,
 За всю Семью Ихъ дорогую,
 За весь Державный Царскій родъ,
 И за страну свою родную,
 И за крещеный весь народъ...

И гдѣ бы ни былъ ты—повсюду
Благословятъ тебя сердца
За то, что темному ты люду
Былъ вмѣсто брата и отца,

За то, что смѣлою рукою
Ты ихъ ведешь изъ мрака въ свѣтъ,
За то, что вѣрою святою
Ихъ вдохновляешь съ малыхъ лѣтъ.

А. Рыбакова.

ЖЕРТВА ЛЮБВИ.

Изъ моихъ воспоминаній.

Печально высматривала церковно-приходская школа въ весеннее апрѣльское утро.

А утро было дивно хорошо. Послѣ долгой зимней спячки все ожило, воскресло: на бирюзовомъ небѣ ни облачка, ни тучки; земля покрылась зеленымъ бархатомъ травы, солнце не пышетъ томительнымъ лѣтнимъ зноемъ, но только приятно согрѣваетъ. Кругомъ стоялъ неумолкаемый гомонъ прилетныхъ птицъ... Могучая животворная сила природы была ключемъ...

Я проходилъ большимъ селомъ: на право и на лѣво рядъ почернѣвшихъ покосившихся избъ. На краю села, почти рядомъ съ церковью, находилась новая помѣстительная школа, около которой я замѣтилъ толпу крестьянъ и крестьянокъ. Лица всѣхъ были печальны; нѣкоторыя бабы горько плакали.

Въ это село пріѣхалъ я не давно, и ни съ кѣмъ еще не успѣлъ познакомиться, кромѣ зажиточнаго мужика Ефима, у котораго снялъ на лѣто, мѣсяца на два, переднюю избу.

Я замѣтилъ въ тояцѣ Ефима и обратился къ нему съ вопросомъ:

— Скажи, пожалуйста, зачѣмъ это народъ собрался у школы?

— Учитель нашъ Петра Ильичъ помираетъ сердешный,—съ глухимъ вздохомъ отвѣтилъ Ефимъ,—простудился

вишь, почитай недѣль шесть хвораетъ, а теперь вотъ Господь Богъ по душу его посылаетъ... И ужъ такъ намъ жалъ его, баринъ, такъ жалъ... Не найти намъ такого учителя, теперь во вѣки вѣковъ... Для ребятишекъ онъ былъ отцомъ роднымъ, да и для насъ наставникомъ... Бывало въ праздничный день соберетъ насъ въ свою школу и почнетъ намъ рассказывать, темнымъ людямъ, про земли разныя, а то про царей, какіе были прежде на святой Руси... И мастеръ же былъ Петръ Ильичъ рассказывать, разслушаешься бывало и уходить не хочется. Такъ бы вотъ все и слушалъ... Ребятишки то наши ревмя-ревутъ по учителю... Особенно Ванюшка убивается, посмотришь на него, самого слеза прошибетъ.

— Какъ же таперечи Ванюшкѣ не плакать, когда черезъ него нашъ Петръ Ильичъ на тотъ свѣтъ снаряжается? вступился въ нашъ разговоръ степенный рыжебородатый мужикъ, въ суконномъ кафтанѣ.

— Эвто доподлинно, учитель черезъ Ванюшку помираетъ... согласился съ нимъ и Ефимъ.

— Какъ это такъ?.. Расскажи, дядя Ефимъ, пожалуйста,—обратился я къ своему дачехозяину.

— Что же, рассказать не хитро... Дѣло было, братецъ ты мой, по ранней

веснѣ, въ началѣ Марта, вода еще не трогалась и наша рѣчка стояла еще подь льдомъ, хотя ледь то ужь и потрескался, посинѣлъ... Ванятка то, сынишка вдовы Филихи, съ другими ребятишками на льду и катался. Грѣху что ли быть, Ванятка то и угоди прямо въ прорубь... Ну и поднялся у рѣчки тутъ цѣлый содомъ... Крикъ, плачь... Филиха на берегу безъ памяти валяется. Почитай все село собралось, глядитъ, охаетъ, а въ прорубь то за Ваняткой никто не лѣзеть... Потому всякому, чай, своя жизнь дорога, ледь то моль тонкій, не выдержать. Прибѣжалъ на берегъ и Петръ Ильичъ, узналъ, въ чемъ дѣло, сбросилъ съ себя верхнюю одежину, да такъ въ рубахѣ и нырнулъ въ прорубь... Всѣ мы, баринъ, такъ и замерли отъ страха... Ну, думаемъ, поминай какъ его звали... Чай минуты двѣ пробылъ онъ въ водѣ, а для насъ это время ровно годъ тянулось, право слово... Вотъ показался учитель и мальчонку за волосы держитъ... Тутъ мы всѣ какъ одинъ человекъ шапки долой, да Богу молиться, благодарить Его, Создателя... Ванютку то качать принялись, откачали парнишку... ожилъ... За то нашъ радѣльщикъ учитель ознобился сильно и сталъ съ того дня хворать, таять, сердешный, словно свѣча воску яраго... Мѣсяца два пронедужилъ, а теперь вотъ...—тутъ голосъ у Ефима дрогнулъ, на глазахъ появились слезы...

Я вошелъ въ школу.

За партами вмѣсто бѣловолосой дѣтвора я увидалъ нѣсколько мужиковъ и бабъ всѣ они съ печальными лицами тихо и озабоченно переговаривались между собой. Тутъ же находился и сельскій священникъ, не старій, съ русыми волосами, и симпатичнымъ лицомъ. Я былъ немного

знакомъ съ нимъ и не преминулъ спросить его о учителѣ.

— Съ земнымъ попрощемъ онъ кончилъ свои счеты, и скоро начнется для него новая жизнь—вѣчная... Онъ приготовился теперь къ переходу изъ сей жизни... И вѣрно, что для нашего Петра Ильича сей переходъ не страшень... отвѣтилъ мнѣ батюшка.

— Не угодно ли взглянуть, какъ умираетъ истинный хрістіанинъ—добавилъ онъ.

Признаюсь, не безъ волненія я переступилъ порогъ комнаты учителя.

Передній уголъ занималъ образъ Спасителя, съ теплившейся лампадой; комодъ, простой столъ, два три такихъ же стула; у стѣны желѣзная кровать и на ней умирающій молодой человекъ; лицо его было блѣдно, но спокойно, на впалыхъ щекахъ игралъ яркій румянецъ, глаза оттѣненные синими кругами, горѣли лихорадочнымъ огнемъ, на посинѣлыхъ губахъ замерла улыбка; исхудалая грудь высоко подымалась, глухой удушливый кашель, предвѣстникъ близкой могилы, часто вырывался изъ нея. Около умирающаго стоялъ босой хорошенькій мальчикъ, съ бѣлыми густыми волосами на головѣ.

Дѣтское лицо мальчика было страдальчески-скорбно, большіе каріе глаза наполнены слезами; судорожная нервная дрожь то и дѣло пробѣгала по всѣму тщедушному тѣлу мальчика.

Я догадался, что это и былъ Ванюшка; мнѣ показали его мать, усердно молившуюся на колѣнахъ передъ образомъ.

Нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ окружали умирающаго наставника.

Благоговѣйная тишина, прерываемая только тихимъ всхлипываніемъ находившихся, царила въ комнатѣ.

Сильный приступъ кашля прошелъ.

Петръ Ильичъ вздохнулъ нѣсколько свободнѣе; онъ ласково посмотрѣлъ на плакавшаго Ванюшку и тихо ему сказалъ:

— А ты все плачешь, бѣдный мальчикъ, меня жалѣешь... Спасибо... Плакать не надо... За чѣмъ?.. Волѣ Божіей мы всѣ должны покориться безъ ропота... Твоя мать, Ваня, здѣсь?..

— Здѣсь, молится...

— Добрая она, хорошая... люби ее, уважай...

Мать Ванюши подошла къ умирающему, взяла его руку, и молча прижала къ своимъ губамъ, едва сдерживая рыданіе.

— Всю мою одежду себѣ, Филиха, возьми, продай... на вырученныя деньги полушубокъ къ зимѣ Ваняткѣ справь, рубашку хорошую шей... пусть меня... поминаетъ... Книги, письменныя принадлежности раздайте моимъ ученикамъ... Жалѣю, что больше оставить имъ нечего...

Разговоръ какъ видно утомилъ больного, онъ сталъ опять тяжело дышать, закрывъ глаза.

Казалось, что онъ уснулъ, и всѣ, кромѣ Вани и его матери, стали тихо выходить.

Выходя изъ школы, я встрѣтился съ пріѣхавшимъ земскимъ врачомъ.

Я дождался, пока врачъ осмотрѣлъ больного и вышелъ изъ школы; тутъ я обратился къ нему съ вопросомъ о состояніи учителя.

Докторъ не сразу мнѣ отвѣтилъ, онъ испытующе на меня посмотрѣлъ, снялъ не спѣша свои очки, вытеръ стекла платкомъ и опять надѣвая ихъ сказалъ:

— Легкихъ почти нѣтъ... Къ вечеру или ночью умереть... А жаль, великій труженикъ, не зарылъ данный ему отъ Бога талантъ, а дѣлился съ малыми и неимущими... Эхъ, и сколько

у насъ на святой Руси уносить смерть такихъ, никому невѣдомыхъ, незамѣтныхъ тружениковъ!..

Голосъ врача дрогнулъ, онъ хотѣлъ что-то еще сказать, но только махнулъ рукой и сѣлъ въ поджидавшій его дорожный тарантасъ...

Докторъ угадалъ — ночью учителя Петра Ильича не стало.

Похороны его отличались особой сердечной торжественностью и печалью.

Покойный труженикъ въ бѣломъ глазетовомъ гробу лежалъ какъ живой; предсмертное страданіе не исказило его красивое, доброе лицо.

На гробъ было возложено нѣсколько вѣнковъ, и самъ почившій убранъ былъ роскошными цвѣтами, присланными богатымъ помѣщикомъ — сосѣдомъ изъ своихъ оранжерей. Гробъ съ почившимъ учителемъ несли ученики церковно-приходской школы; они же пѣли и на клиросѣ умиленные погребальныя пѣснопѣнія Іоанна Дамаскина — великаго знатока человѣческаго сердца.

Рядомъ съ гробомъ шель и сынъ Филихи, Ваня; онъ на этотъ разъ не плакалъ, видно для его дѣтскаго горя не хватало слезъ и онъ не облегчили его...

Только тогда, когда наступило время „воздать почившему послѣднее цѣлованіе“ — громкимъ рыданіемъ вылилось у Ванюшки то великое горе, которое такъ измучило его отроческую душу.

Его съ большимъ трудомъ оттащили отъ гроба.

Плакали дѣти, не уступали имъ въ слезахъ и ихъ отцы и матери. Слезы и горе были общія....

Прошло не мало лѣтъ, а похороны скромнаго учителя Петра Ильича памятны мнѣ, до малѣйшихъ подробно-

стей... А рыданіе, вырвавшееся изъ груди Ванюшки—и теперь, при одномъ

воспоминаніи — заставляеть до боли сжиматься мое сердце.

Д. Дмитріевъ.

ПОСѢТЫ И ВХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

X.

Школа—воспитательница жизни.—Народныя чтенія и собесѣдованія въ школъ.—Чего просить сама жизнь народная отъ чтеній?—Взглядъ простыхъ слушателей на чтенія.—Взглядъ на тоже дѣло людей образованныхъ.—Чего можно достигнуть чтеніями въ глухой деревнѣ.

Было время, когда вся задача народной школы сводилась къ тому, чтобы научить своихъ припелъцевъ извѣстнымъ приѣмамъ для чтенія грамоты, да преподавать развѣ еще нѣкоторыя элементарныя правила доброты, такъ сказать, школьной нравственности, и только. Идеаль школы, правда, всегда былъ, сознавался и есть одинъ: школа должна быть не только учительницею грамоты, но и воспитательницей жизни, не жизни въ предѣлахъ только школы, а, такъ сказать, „жизни“ въ самой жизни. Школа подъ покровомъ Церкви и ея воздѣйствіемъ, какъ ея послушница и вмѣстѣ питомица въ оградѣ храма Божія подъ осѣненіемъ его креста—живое воплощеніе этого идеала народной школы.

Недавно мы говорили о бібліотекахъ при школъ, и находили, что школа много общается добраго въ качествѣ посредницы для распространенія среди народа умной и ему нужной книги. Въ связи съ этимъ стоитъ и другой легкой, простой и весьма успѣшный способъ провести и установить въ народѣ все истинно доброе, полезное, разумное и насущное,—способъ, имѣющій даже немалыя преимущества предъ первымъ, хотя и не устраняющій его ни въ какомъ случаѣ. Мы разумѣемъ устройство народныхъ чтеній со свѣтовыми картинами или безъ нихъ, при чемъ является возмож-

нымъ назиданіе и просвѣщеніе свѣтомъ разума заразъ цѣлаго огромнаго собранія мало—или совсѣмъ—неграмотныхъ посѣтителей, назиданіе и просвѣщеніе тѣмъ болѣе плодотворное и желательное, что замѣняетъ для народа вполне всякія развлеченія, придумываемыя разными призванными и непризванными радѣтелями народнаго просвѣщенія, всеми этими устройителями народныхъ театровъ и балаганныхъ развлеченій, и посредствомъ картиннаго начертанія или толкованія читаемаго сильнѣе дѣйствуетъ на душу, и укрѣпляетъ въ ней читаемое.

Внѣшняя сторона чтеній здѣсь не требуетъ обсужденія. Любое болѣе или менѣе просторное помѣщеніе, хотя бы и не школа—даже просто подъ открытомъ небомъ удобная площадка земли, грамотный толковый чтець, онъ же и устройитель чтеній, — мало-мальски сносный волшебный фонарь съ картинами, а то даже и безъ него — и.... для чтенія все готово. Два, только два вопроса могутъ затруднить здѣсь, и въ случаѣ неудовлетворенія ихъ провалить все дѣло: кто долженъ читать, и что читать?—Жизнь, сама живая народная жизнь отвѣтила на это неопровержимо и неумолимо—убѣдительными слѣдующими двумя (впрочемъ, эти два несомнѣнно лишь наиболѣе характерныя изъ мно-

жества других) случаями. Одинъ изъ нихъ, имѣлъ мѣсто въ г. Устькаменогорскѣ, Семипалатинской области.

„Чтенія, ведущіяся здѣсь съ 1891 года открыты были, говорить неизвѣстный авторъ въ Омск. Еп. Вѣд., сначала въ зданіи Уѣзднаго Управленія, откуда въ 1894 г. были перенесены въ соборъ. Благодаря святости мѣста, пришлось ограничить чтенія и пѣніе и держаться исключительно религіозныхъ темъ, и чтенія наши стали посѣщать только пожилые люди, и то въ ограниченномъ количествѣ, человѣкъ до ста. Молодые люди оставались на улицѣ и предавались обычному, праздничному времяпровожденію, что не мало печалило насъ, такъ какъ отвлекать молодое, подрастающее поколѣніе отъ праздничныхъ гульбищъ составляло для насъ немаловажную цѣль.

Въ виду этого пришлось перенести чтенія въ 96 г. въ зданіе Городской Управы, а въ 97 г. во вновь отстроенное городское приходское училище. Мало-по-малу чтенія стали посѣщаться все большимъ и большимъ количествомъ народа, и вотъ уже шестую зиму большой заль училища (189 квадр. аршинъ) едва вмѣщаетъ слушателей.

Программа чтеній выработалась не сразу. Нужно было примѣниться ко вкусамъ и требованію народа и въ то же время не оставить и главную цѣль чтеній—защитить и укрѣпить въ народѣ православіе, преданность престолу, ознакомить его съ Русской исторіей и внѣшнимъ физическимъ міромъ, о которомъ онъ имѣетъ самое смутное представленіе.

Признавая, что религіозное знаніе самое важное знаніе для человѣка, мы этому отдѣлу отвели почетное мѣсто. Это былъ первый отдѣлъ чтеній. Но тѣ нравственныя истины, которыя заключаются въ словѣ Божіемъ, мы, такъ сказать, иллюстрировали живыми, занимательными разсказами, взятыми изъ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ журналовъ, газетъ и сборниковъ. Это былъ второй отдѣлъ чтеній.

Но темному народу недостаточно одного религіознаго знанія. Онъ до сихъ поръ еще убѣжденъ, что земля стоитъ недвижимо и, пожалуй, скажетъ, что и на трехъ китахъ; онъ не знаетъ, что такое солнце, звѣзды и т. п.; не знаетъ онъ, „откуда пошла естъ Русская земля, кто въ Кіевѣ первѣе сталъ княжити и какъ Русская земля стала естъ“. Поэтому мы внесли въ программу чтенія по Русской исторіи и физической и математической географіи. Самой собой разумѣется, что сначала прочитана была исторія Русской Церкви.

Послѣ каждаго чтенія пѣлись соборными пѣвчими концерты или духовныя канты и народныя пѣснопѣнія. Смѣло рекомендуемъ устроителямъ чтеній ввести пѣніе изъ „1-й и 2-й лепты“ изд. Алтайской миссіи, изъ „Сельскихъ хоровъ“ изд. св. Синода, и псалмъ Димитрія Ростовскаго, тѣмъ болѣе, что по несложности мотива эти изданія доступны для всякаго сельскаго хора. Народъ съ удовольствіемъ слушалъ эти простые, задушевные напѣвы. Предъ каждымъ пѣніемъ предварительно прочитывались и объяснялись слова пѣснопѣнія.

Но не всѣ слушатели благосклонно отнеслись къ нашей программѣ. 28 декабря 1898 г. о. прот. Дагаевъ по городской почтѣ получилъ слѣдующее письмо:

„Его Высокопреподобію
о. Протоіерею Дагаеву
отъ публики Устькаменогорскаго приходскаго училища

ПРОШЕНІЕ.

По приглашенію Вашему мы съ полнымъ радушіемъ въ 13 и 20-е число сего мѣсяца декабря собравшись въ приходское училище для слушанія душеполезныхъ чтеній и пѣнія разныхъ кантъ, которое начиналось пѣніемъ „Царю Небесный“ и чтеніемъ вами о непостижимомъ Божествѣ, которымъ усладились наши сердца, получивши доброе сѣмя слова Божія, потому что оно чисто какъ серебро, разжено и ис-

кушено, и оно намъ показалось сладше паче меда и сота.

По окончаніи же вашего чтенія пошло какое-то другое про Суворова, какъ онъ производилъ шутки да прибаутки съ солдатами *).

А потомъ вышла на кафедру *госпожи ораторша*, о которыхъ апостоль Павелъ сказалъ: жена да не учитъ, пусть она учитъ своихъ дѣтей дома, а не съ кафедры. Народу она возгласила, что будетъ читать про звѣзду; мы полагали, что она расскажетъ намъ про ту звѣзду, которая указала Превѣчнаго Младенца, лежащаго въ ясляхъ, анъ нѣтъ! говорила она умно, предлинно, наконецъ довершила тѣмъ, что какой то Карлычъ привязалъ звѣзду бумажную на еловый сукъ и тѣмъ кончилась разсказня.

Послѣ этого выходятъ *два златоплечія оратора* **) и начали сѣять какія то плевелы; одинъ изъ нихъ тянулъ-тянулъ да и кончилъ какимъ-то гнѣдкомъ, а другой еще лучше перваго плель галиматью, какъ онъ былъ пастухомъ, много спалъ въ сѣнѣ, какъ его жители ругали да били, но онъ все думалъ, какъ обширна земля, наконецъ додумался, что наша земля какъ арбузъ.

А что намъ до этого? Будь она хоть тыква,—намъ нужно то, чтобы не попасть въ преисподнюю, гдѣ тьма несвѣтлая, огонь неугасимый, червь неусыпаемый, смрадь зловонный... Горе отъ ума!... Всепокорнѣйше просимъ, ваше высокопреподобіе, нельзя ли будетъ замѣнить плевелы чистой пшеницей. Вотъ хотя бы выучить насъ, какъ слѣдуетъ изображать на себѣ крестное знаменіе, да еще не мѣшало бы внушить намъ, какія слѣдуетъ читать молитвы предъ обѣдомъ, ужиномъ и послѣ оныхъ. А то у насъ введенъ обычай язы-

чекій: какъ садится за столъ за трапезу, не молясь, покрестясь и закуриваетъ папиросу и нѣтъ ему возможности сотворить молитву.

Оставаясь съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и таковою же преданностію вашему высокопреподобию,

Слушатели душеполезныхъ чтеній“ *).

Это анонимное прошеніе заставило насъ сократить свѣтское чтеніе. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе безграмотности слушателей, мы не имѣли возможности ввести бланки съ вопросными пунктами, гдѣ бы, не означая своей фамилии, каждый высказалъ бы свое мнѣніе о той или иной прочитанной нами статьѣ и выяснилъ бы свои желанія относительно чтеній. Изъ разспросовъ и наблюдений мы вывели то заключеніе, что большинству нравятся исключительно религиозно-нравственные чтенія и литературные разсказы изъ простой жизни, гдѣ порокъ наказывается, а добродѣтель торжествуетъ.

Въ настоящую зиму чтенія велись по слѣдующей программѣ.

Отдѣлъ I. Заповѣди блаженства. Читалъ прот. Дагаевъ.

Отдѣлъ II. Житія святыхъ съ нравственными выводами изъ нихъ въ приложеніи къ нашей жизни. Читалъ свящ. Павскій.

Отдѣлъ III. О святой землѣ. Читала жена свящ. Павскаго.

Отдѣлы IV и V. Литературные разсказы примѣнительно къ отдѣламъ I-му и II-му. Читали г-жа Колмакова и г-нъ Ливенцевъ.

Послѣ каждой бесѣды раздавались народу иконки и брошюрки религиозно-нравственнаго содержанія, за добровольную и произвольную плату со стороны берущихъ“.

Другой не менѣе любопытный случай сообщаетъ намъ одинъ изъ завѣдующахъ школами Рязанской губ., свящ. I. М-въ. **)

*) Въ письмѣ этомъ исправлены лишь орфографическія ошибки.

**) Объ этомъ см. въ особой его статьѣ о бібліотекахъ, помѣщенной выше.

*) Чтенія по Русской исторіи изд. Свят. Синода.

**) Офицеры мѣстнаго баталіона.

Такова дѣйствительная правда и отвѣтъ жизни на вопросъ о народныхъ чтеніяхъ. Надо ли доказывать, что такой отвѣтъ одинъ и тотъ же для всей Россіи, отъ мала до велика, въ нашемъ простонародіи, отъ богатаго города до захолуетнаго медвѣжьяго угла? Вотъ какъ говорятъ объ этомъ и компететныя свѣтскія высокопоставленныя лица, хорошо знающія народную жизнь. Одинъ авторитетный предводитель дворянства говоритъ: „народныя чтенія имѣютъ двоякое значеніе: 1) образовательное, заключающееся не только въ тѣхъ полезныхъ свѣдѣніяхъ, которыя чтенія могутъ дать слушателямъ, но и въ томъ, что они, возбуждая интересъ къ слышанному, пробуждаютъ и желаніе читать самостоятельно, т. е. толкаютъ на путь самообразования; 2) чтенія служатъ чуть ли не единственнымъ здоровымъ развлеченіемъ для бѣднаго трудящагося люда, особенно деревенскаго, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи чтенія весьма важны, такъ какъ трудящееся населеніе нуждается не только въ физическомъ отдыхѣ, но и въ умственномъ и психическомъ. Утомительное однообразіе труда создаетъ вполнѣ естественную и законную потребность хотя на время отвлечься отъ ежедневной сѣрой и часто тяжелой обстановки, что весьма часто является главной причиной того, что народъ, не имѣя возможности получить здоровыхъ развлеченій, беретъ безъ разбору первое попавшееся и проводитъ свое досужее время въ кабацѣ, возбуждая притупленный однообразіемъ жизни мозгъ пьянствомъ и разгуломъ, имѣющими такую массу печальныхъ послѣдствій, служащихъ одною изъ причинъ вырожденія“. Директоръ народныхъ училищъ Могилевской губерніи въ печатномъ циркулярѣ своемъ отъ 31 октября 1885 г. пишетъ: „помимо просвѣтительнаго своего значенія открываемыя при начальныхъ сельскихъ школахъ воскресныя и праздничныя чтенія, при постоянномъ и старательномъ веденіи

ихъ, будутъ имѣть для народа значеніе нравственно-воспитательное; они послужатъ для него во дни отдыха полезнымъ духовнымъ назиданіемъ и отвлекутъ его отъ тѣхъ грубыхъ развлеченій, какимъ въ большинствѣ простой народъ нашъ предается въ праздничные дни. Такое, по крайней мѣрѣ, благотворное дѣйствіе воскресныя и праздничныя чтенія имѣли на народъ повсюду, гдѣ они были открываемы“. Этотъ же директоръ, на основаніи личнаго 12-лѣтняго опыта, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ результаты, достигнутыя учителями народныхъ училищъ путемъ воскресныхъ и праздничныхъ бесѣдъ и чтеній. „Учителя и учительницы имѣютъ уже весьма утѣшительный и отрадный для нихъ двѣнадцатилѣтній опытъ благотворнаго вліянія воскресныхъ и праздничныхъ чтеній для народа, которыя онъ такъ полюбилъ и за усердное и старательное веденіе которыхъ онъ такъ признателенъ и благодаренъ имъ. Слушая на чтеніяхъ апостольское и евангельское ученіе, духовно-нравственныя поученія и разнаго рода историческія, бытовыя, сельско-хозяйственныя и иныя назиданія, онъ сталъ постепенно забывать свои обычныя и праздничныя развлеченія. Чтенія же о пьянствѣ, его вредѣ, страшныхъ послѣдствійхъ неумѣреннаго потребленія спиртныхъ напитковъ, пріобрѣли значительную массу членовъ общества трезвости. Этотъ очевидный и общепризнанный фактъ даетъ мнѣ поводъ при семъ случаѣ выразить народнымъ учителямъ и учительницамъ мою глубочайшую признательность и живѣйшую благодарность за ихъ двѣнадцатилѣтніе благодѣтельные труды, между прочимъ, давшіе опытомъ подтверждаемыя благія послѣдствія постепеннаго расширенія и развитія народной трезвости и истинно-хрістіанскаго препровожденія времени въ воскресныя и праздничныя дни“. „Увѣренъ“, далѣе пишетъ директоръ, „что исторія цивилизаціи и культуры Русскаго народа сильно подчеркнетъ дѣятель-

ность скромныхъ тружениковъ, а народъ, получая дѣйствительно отъ народныхъ учителей и учительницъ неисчислимыя духовныя, нравственныя и экономическія блага, обезпечить ихъ скудное существованіе, такимъ усиленнымъ и добросовѣстнымъ трудомъ ими заслуженное“.

И какихъ успѣховъ, какой „плѣнительности“ можетъ достигать, дѣятельность учителей народныхъ чтеній, особенно въ лицѣ пастырей Церкви, если она будетъ удовлетворять истиннымъ потребностямъ народной жизни, краснорѣчиво говоритъ фактъ, отмѣчаемый авторомъ статьи о „Народныхъ чтеніяхъ“ въ Калужск. Губ. Вѣд. „Мы знаемъ, пишетъ онъ, что нѣкоторые священники уже начали заботиться объ организаціи во всѣхъ приходахъ народныхъ чтеній и благіе результаты этого добраго дѣла уже начали проявляться. Особенно глубоко плѣняла насъ дѣятельность одного священника въ Мещовскомъ уѣздѣ. Поступивъ въ бѣдный раскольническій приходъ, этотъ юный пастырь, понявъ душу нашего народа, съ горячею любовію занялся просвѣщеніемъ его не только въ храмѣ и школѣ, но особенно въ организованныхъ имъ народныхъ чтеніяхъ, сопровождаемыхъ прекрасныхъ стройнымъ пѣніемъ цѣлыхъ сотенъ слушателей. Не имѣя самъ средствъ на пріобрѣтеніе фонаря и картинъ, онъ ѣздилъ въ далекія отъ него училища и

привозилъ оттуда и фонарь и картины. Громадная масса народа посѣщала эти чтенія, даже пріѣзжали крестьяне изъ ближайшихъ сосѣднихъ приходовъ. Изъ бесѣды съ крестьянами по поводу этихъ чтеній я убѣдился, что они безпредѣльно признательны своему доброму батюшкѣ за это истинно высокое для нихъ духовное наслажденіе. Не праздное любопытство, но духовная жажда влекла народъ на эти чтенія. Дѣйствительно, умилительную картину представляли они. Появляется на полотнѣ изображеніе Воскресенія Хрїстова и весь народъ подъ руководствомъ священника поетъ: „Воскресеніе Хрїстово, видѣвше“..., многіе падаютъ на колѣна, слышатся вздохи и сдержанныя рыданія. Появляется на картинѣ прекрасное изображеніе портрета Государя, Государыни, и снова слышится стройное общее пѣніе: „Спаси, Господи, люди Твоя“, заканчиваемое дружнымъ „ура“. Невольно, смотря на эту толпу, гдѣ было болѣе 200 человѣкъ, упивающуюся словами своего любимаго пастыря и увлекающуюся всеобщимъ пѣніемъ, подумаешь, вотъ гдѣ дѣйствительно, школа для просвѣтленія народа, вотъ гдѣ сила, которою можно умягчить сердце простолюдина, направить его на путь добра и отвлечь отъ пагубнаго разгула!“

Страничка для дѣтей.

Царственный другъ дѣтей—Царь Миротворецъ.

(Къ 8-й годовщинѣ Его кончины).

ь тяжелой кручиной, съ тоской и рыданіемъ услышалъ православно-русскій народъ, 8 лѣтъ тому назадъ, одну печальную вѣсть... То была вѣсть о бла-

женной, истинно-хрїстіанской кончинѣ Православно-русскаго Царя—Царя Миротворца — Императора Александра III.

Тихо, на окраинѣ Русской зем-

ли, у береговъ Чернаго моря, закатилоя солнышко земли Русской: умеръ благочестивый Царь. Его постигъ тяжелый недугъ. И Богу угодно—было 20-го октября

1894 года взять его къ Себѣ. Знать не суждено было Русскому народу видѣть болѣе живымъ своего Отца—Царя Миротворца. Знать не суждено было православно-

русскому Отцу, императору Александру III, видѣть преданныхъ ему дѣтей... Утомленный, усталый отъ непрестанныхъ заботъ о счастье Русскаго народа, ѣхалъ Онъ въ Ливадію, на берегъ моря, чтобы здѣсь отдохнуть, собраться съ силами и снова служить своему народу, снова охранять его отъ враговъ Церкви и отечества. Но видно не легкокъ былъ недугъ, если не

перенесъ его такой могучій Царь, который, какъ богатырь, могъ легко гнуть толстое желѣзо...

Итакъ, вотъ почему скорбѣла Русь 8 лѣтъ тому назадъ. Вотъ какая вѣсть печалила всякое русское сердце! И не взрослые только скорбѣли о Царѣ родномъ. И не взрослые только должны были оплакивать Его мирную кончину. Нѣтъ, для всѣхъ Онъ, для бѣд-

ныхъ и богатыхъ, большихъ и малыхъ, для отцовъ и дѣтей, былъ общимъ отцемъ, былъ общимъ Миротворцемъ.

Вотъ почему, какъ только закатились ясныя царскія очи, какъ только почилъ Онъ въ Бозѣ, полились изъ милліоновъ глазъ слезы, загрустили милліоны русскихъ сердецъ, точно отняли у православно-русскаго хрістіанина самое дорогое, самое безцѣнное сокровище. Плакали закаленные въ бою генералы и солдатики, плакали отцы и дѣти, плакала вся Россія.

Подъ наплывомъ тяжелой грусти много писали тогда о блаженной царской кончинѣ. А вотъ, дѣти, что написала тогда одна благородная ученица-дѣвочка:

„Онъ умеръ. Нѣтъ Его ужь
болѣ,

Намъ не вернуть Его опять,
Какъ видно, было въ Божіей
волѣ —

У насъ защитника отнять.

Прости нашъ Царь, прости
на вѣки!

Ты былъ Отцомъ, Ты насъ
любилъ,

Но смерть Твои смежила вѣ-
ки —

И тихимъ сномъ Ты опочилъ“. Знать почувяло и дѣтское сердце, кого лишилась Русь въ лицѣ своего Царя. Да, это былъ защитникъ вѣры и отечества, это былъ отецъ, горячо любившій всѣхъ и каждого.

Но защитники часто устрашаютъ враговъ оружіемъ, часто

проливаютъ кровь человѣческую. А нашъ почившій Русскій Царь Императоръ Александръ III-й — Царь миротворецъ не любилъ войны, не хотѣлъ Онъ напрасно проливать кровь своихъ подданныхъ. И во все Его царствованіе дѣйствительно не было войнъ. Безъ кровавой брани умѣлъ Онъ водворять миръ, тишину и спокойствіе. Поэтому, какъ только умеръ Онъ, Его и назвали Царемъ—Миротворцемъ. И однако боялись враги нашего миролюбиваго Царя. Знали они, что много у Него православныхъ воиновъ. Понимали наши враги, что если нападутъ они на нашу родину, то кликнетъ Царь громкимъ кличемъ своимъ воинамъ и подыметъ православно-русская рать на защиту вѣры, Царя и отечества. Нашъ сильный Русскій Царь не нападалъ на слабыхъ враговъ своихъ. А враги, зная Его силу, зная преданность къ Нему народа, не нарушали мира, который хранилъ Онъ.

И не одно только отечество защищаль отъ враговъ нашъ Царь. Нѣтъ, Онъ охранялъ и святую православную вѣру. Самъ Онъ твердо вѣровалъ въ Бога, самъ Онъ любилъ православно-русскіе храмы, любилъ церковныя службы. И подданные Его, глядя на своего Царя, не забывали святой вѣры. Вотъ за это-то Богъ и даровалъ Ему мирную кончину. Онъ умиралъ, исповѣдовавшись и приобщившись святыхъ таинъ, умиралъ склонивши царственную главу на плечо своей благовѣрной Суп-

руги въ то время, когда дѣти и родственники лобызали Его холодѣвшія руки, а пастыри Церкви со слезами молились о упокоеніи Его въ селеніяхъ праведныхъ. „Онъ умиралъ безтрепетно, безъ жалобы, все время думая лишь о близкихъ сердцу и о Своемъ царскомъ служеніи. До неузнаваемости истощенный, съ большими отеками ногами, Онъ подымался на молитву. Онъ преклонялъ колѣни и молился такъ пламенно, какъ молятся пустынные подвижники, со слезами сердечнаго умиленія, съ вѣрой, доступной лишь только чистому сердцу“ ¹⁾. Ни страха, ни унынія не было у Него. Онъ самъ объявилъ, что чувствуетъ приближеніе смерти и готовъ къ ней. И это потому, что святя Христовы Тайны и молитва бывшаго здѣсь пастыря отца Іоанна проводжали Его въ міръ иной...

Да, много, много поучительнаго, много дорогихъ завѣтовъ оставилъ намъ почившій Государь Своими словами, Своими дѣлами, Своею жизнью и Своею смертью. И не забудетъ Его Русскій народъ. Не разъ обратится къ своему почившему Государю сердце русскаго человѣка.

И особенно долженъ быть памятенъ Онъ вамъ, русскія дѣти... И это потому, что по державной волѣ этого любвеобильнаго Государя

открыто для васъ много школъ на святой Руси. Онъ зналъ, что русскому человѣку нужно просвѣщеніе, и все время заботился объ заведеніи новыхъ и новыхъ школъ. Зналъ также почившій Миротворецъ и то, какъ дорога русскому человѣку Православная вѣра и обратилъ Онъ, съ высоты Своего престола, вниманье на то, чтобы чаще посѣщали русскія дѣти православные храмы, чтобы внимательнѣе изучали они въ школахъ слово Божіе, чтобы ближе стояли они къ Церкви Божіей.. И вотъ пораскинулись теперь по всему лицу земли Русской церковныя школы по доброй волѣ Государя. И льется, льется изъ нихъ свѣтъ въ юныя сердца и умы ваши. Пусть-же крѣпнетъ и крѣпнетъ во славу уснувшаго непробуднымъ сномъ Государя, святая вѣра въ вашихъ сердцахъ. Она спасетъ васъ въ минуты тревогъ и тяжелой невзгоды. Она обрадуетъ и незабвеннаго Императора, который изъ другого міра смотритъ теперь на васъ и радуется, если вы не забываете Бога... А радоваться будетъ, несомнѣнно будетъ Онъ.

Вѣдь Онъ и здѣсь на землѣ любилъ дѣтей, рѣзвился даже съ ними, раздѣлялъ всѣ ихъ радости. Онъ забывалъ все свое царское величіе. Съ чистыми сердцемъ, съ простыми душою Онъ и самъ былъ всегда простъ и любвеобилень. Знавшіе почившаго Царя ¹⁾ съ умиленіемъ рассказываютъ о томъ,

¹⁾ Такъ въ общихъ чертахъ описывалъ блаженную кончину Царя талантливый публицистъ Л. Тихомировъ, описывалъ языкомъ, понятнымъ и для дѣтей, потому что говорилъ объ общенародномъ горѣ.

¹⁾ Стѣдъ, Д. Языковъ и др.

какъ любилъ Онъ проводить время съ Своими царственными дѣтьми и малолѣтними сродниками. Не любя внѣшняго блеска и пышности, Онъ, скромный русскій богатырь—Вѣнценосецъ, съ удовольствіемъ проводилъ часы досуга въ Петербургѣ, въ небольшомъ Аничковскомъ дворцѣ въ средѣ Своихъ дѣтей. Съ ними катался Онъ съ горь, устроенныхъ въ дворцовомъ саду, и игралъ въ снѣжки съ Своими сыновьями. Если случалось Ему иногда когда-либо ѣздить на прогулки съ Своими дѣтьми, то и здѣсь Онъ съ любовью раздѣлялъ съ ними время: удилъ рыбу, собиралъ ягоды и цвѣты. Особенно любилъ Онъ проводить такъ время въ Даніи.

Данія—это небольшое, сравнительно съ Русской землей, государство. Здѣсь родилась Государыня Марія Θεодоровна—любимая Супруга почившаго и Мать нынѣ царствующаго Государя. Вотъ сюда-то въ свободное время и ѣздилъ усопшій Императоръ, здѣсь-то, у датскаго короля — своего тестя, Онъ и проявлялъ особенную любовь къ дѣтямъ. Послѣ исправленія различныхъ государственныхъ дѣлъ, часовъ около четырехъ, Императоръ бралъ обыкновенно съ Собою дѣтей и уходилъ съ ними въ лѣсъ. Заходилъ Онъ иногда съ ними въ расположенныя по пути лавки, покупалъ для нихъ разныя вещи и послѣ принималъ участіе въ играхъ ихъ. Родственныя Ему дѣти кружились около Него. Онъ бралъ однихъ

изъ нихъ къ Себѣ на плечи, въ то время какъ другія кричали ему: „Дядя Саша, Дядя Саша“! Веселая дѣтская толпа выдумала однажды игру: „Дядя Саша“ долженъ былъ стоять неподвижно, а дѣти всей толпой устремлялись на Него, чтобы хоть немного сбить Его съ мѣста. Но напрасно! Могучій „Дядя Саша“ стоялъ какъ скала! И смѣявшіяся дѣти никакъ не могли сбить Его. Радовались дѣти, что съ ними играетъ „Дядя Саша“. Радовался и Императоръ, что Онъ веселитъ дѣтей.

И не съ Своими только дѣтьми проводилъ свободное время Императоръ. Нѣтъ, Царь съ Своею Царицею съ удовольствіемъ посѣщалъ и школы. И сколько бывало радости, когда самъ Царь похвалитъ какого-нибудь ученика или ученицу, или дастъ имъ конфетъ, которыя иногда Онъ возилъ съ Собою. А какъ становился близокъ къ дѣтямъ почившій Императоръ во время дѣтскихъ праздниковъ и елокъ. Самъ Онъ иногда срывалъ, бывало, съ елокъ гостинцы и самъ раздавалъ ихъ. Онъ былъ между ними, этотъ дорогой, милый Царь Батюшка, и они жались къ Нему, какъ къ своему Отцу... Заботясь о дѣтяхъ, почившій Государь старался и о томъ, чтобы ничто ни омрачало дѣтскаго праздника. Однажды Онъ былъ на елкѣ въ школѣ. Вскорѣ послѣ Его прибытія, вдругъ отъ свѣчей загорѣлись сучья елки. Всѣ растерялись. Но Императоръ быстро схватилъ Своими руками горѣв-

шія сучья и огонь погасъ. А Онъ по прежнему шутилъ съ дѣтьми и улыбался имъ ¹⁾... Вотъ какъ любилъ почившій православно-русскій Царь дѣтей. Вотъ какъ много заботился Онъ объ ихъ просвѣщеніи. Вотъ что дѣлалъ Онъ, чтобы дать дѣтямъ свѣтлыя минуты радости.

Да, дѣти, это былъ истинный русскій Отець, котораго вы должны любить всей душой. А любить Его можетъ всякій. Всякій можетъ хранить о Немъ добрую память, всякій можетъ учиться у Него всему хорошему. Вѣдь дѣти и должны учиться у своего отца. А Государь и есть намъ общій Отець. И многому, многому можно у Него научиться.

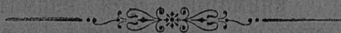
Онъ былъ православно-русскій Царь, Царь миротворецъ. Будемъ и мы православными русскими людьми, будемъ и мы мирно жить съ нашими ближними. Онъ не щадилъ Своихъ силъ для благополучія Своихъ подданныхъ: будемъ и мы помогать Царю, будемъ честно и правдиво исполнять то, чего отъ насъ требуютъ наши руководители. Онъ терпѣливо переносилъ Свой тяжелый недугъ съ надеждой на Бога. Пусть и насъ не покидаетъ надежда на Бога. Онъ горячо лю-

билъ насъ: будемъ и мы горячо любить Его, какъ покорныя дѣти..

Но теперь нѣтъ съ нами благовѣрнаго Царя Миротворца Императора Александра третьяго. И тихо, и мирно спитъ Царь нашъ могучій. Тамъ, въ Петербургѣ, подъ сѣнію святаго собора въ честь апостоловъ Петра и Павла, покоится прахъ Его. Не встанетъ Онъ болѣе къ намъ, не придетъ Онъ раздѣлить наше горе и радость. Уже 8 лѣтъ почиваетъ Онъ въ Бозѣ. Но не забывайте Его, дѣти, въ молитвахъ, не забывайте любившаго васъ... Молитесь о добромъ—великомъ Царѣ опочившемъ. Молитесь о небесномъ блаженствѣ Его, о благахъ духовныхъ, о мирѣ, покоѣ и Царствѣ небесномъ.

Молитесь, дѣти, и о томъ, чтобы Богъ, Вседержитель, внимая Вашимъ дѣтскимъ мольбамъ, далъ силы и крѣпость Сыну почившаго, Благочестивому Императору нашему Николаю II. Вѣдь и Онъ горячо любитъ васъ и постоянно печется о васъ. Вѣдь и Онъ, нашъ защитникъ, не жалѣетъ силъ Своихъ на благо народа. Вѣдь и Онъ призываетъ всѣхъ любить нашу вѣру святую и внимать просвѣщенію благому. Вѣдь и Онъ, Вѣнценосецъ, теперь нашъ любвеобильный Отець.

¹⁾ Воспоминаніе учительницъ Женской руководящей школы Императрицы Маріи Александровны.

Малютка въ гробу.

Тихо въ комнаткѣ мерцаеть
 Слабоватый огонекъ,
 Слышно мать въ углу рыдаетъ,
 На столѣ стоитъ гробокъ.
 Въ немъ въ живыхъ цвѣтахъ малютка
 Спитъ спокойнымъ вѣчнымъ сномъ;
 Вкругъ головки забудки
 Обвились густымъ вѣнкомъ.
 Спи, малютка дорогая,
 Мать, рыдая, говоритъ,
 Жизнь наступить тамъ иная
 Для тебя, и заблестить
 Свѣтомъ радости и счастья,
 Свѣтомъ яркимъ и святымъ:
 Тамъ не встрѣтишь ты несчастья,
 Не сойдешься съ горемъ злымъ.

В. Зуб.....

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Сентябрь 1902.

Одинъ изъ Епархіальныхъ Наблюдателей намъ пишетъ:

„Вы вполне угадали живую потребность нашего дѣла и нашихъ дѣлателей. Дай Господь силы къ продолженію благословенно начатаго дѣла.

„При семь посылаю вамъ письмо воспитанника одной изъ нашихъ второклассныхъ школъ. Хотѣлъ бы я, чтобы вы приняли его какъ нравственно-душевный фактъ, небезынтересный для редакціи „Божіей Нивы“. Авторъ письма—крестьянскій мальчикъ пишетъ мнѣ совершенно искренно. Посылаю вамъ его письмо какъ живой матеріалъ, какъ *выраженіе дѣйствительнаго душевнаго запроса*. Въ послѣднее посѣщеніе этой школы я всѣмъ воспитанникамъ ея говорилъ о вниманіи въ молитвѣ, о трезвеніи, на сколько это было возможно для нихъ и для меня. Что бы имъ дать въ руки подходящее? Письма

святителя Теофана врядъ ли имъ будутъ подѣ силу“...

Вотъ это письмо, или лучше сказать—приписка къ письму, въ которомъ мальчикъ пишетъ о своихъ незавидныхъ успѣхахъ и т. п.

„Какое бываетъ прекрасное состояніе души во время молитвы! Это я испыталъ самъ на себѣ. Я и утѣшаю себя среди трудностей мыслію о Богѣ и тайною молитвою. Я стараюсь, по мѣрѣ возможности, молиться скрытно отъ всѣхъ, но иногда это замѣчаютъ и смѣются надо мною.... Прощу у васъ совѣта, какъ удалиться отъ постороннихъ мыслей во время Богослуженія. Я стараюсь по мѣрѣ силъ, удалить отъ себя эти мысли, но лишь заставляю себя внимательно слушать, какъ вдругъ какое-то нерадѣніе, смута, печаль появляются на сердцѣ. Если же иногда заставляю себя внимать молитвѣ, то радостно, тор-

жественно становится на душѣ и все окружающее кажется суетою...

„Общаю вамъ все писать, что я испытываю, какое состояніе“.

Такъ заключаетъ свое письмо мальчикъ. Нельзя отъ души не порадоваться, что есть такіе школьники, есть такіа добрая, сердечная отношенія между руководителями церковной школы и ея питомцами.

Но затѣмъ, обращаясь къ дѣйствительной жизни, нельзя глубоко не поскорбѣть, какъ мало мы подготовлены, чтобы отвѣчать на такіе насущнѣйшіе запросы души. Мальчикъ ставить вопросъ, на который не всякій учитель сможетъ отвѣтить. А между тѣмъ, казалось бы, въ средѣ хрістіанъ что могло бы быть естественнѣе молитвы? Возможно ли, что истинный хрістіанинъ не умѣетъ молиться, не сможетъ научить истинной молитвѣ свое дитя, своего ученика? Какой же онъ послѣ того хрістіанинъ?

Слава Богу: въ послѣднее время православные Русскіе люди стали сознать, какъ далеко мы ушли отъ истиннаго хрістіанства въ отношеніи внутренней духовной жизни. Послышались голоса и людей образованныхъ, не смолкаетъ и слово пастырское.. Недавно вышла книжка М. А. Новоселова: „Забитый путь Богопознанія“. Почтенный авторъ съ большою сердечною указываетъ на то печальное явленіе, что мы не живемъ внутреннею хрістіанскою жизнью, тогда какъ Богъ познается не умомъ, а внутреннимъ чувствомъ — сердечно... Какой же путь къ сему Богопознанію? Конечно—молитва. Молитва чистая, сердечная, та, которой учатъ насъ св. Отцы.

Путь этотъ—путь вѣчный, самый вѣрный, на опытѣ святыми отцами Церкви изслѣдованный, провѣренный, точно описанный... Этотъ путь указываетъ и Церковь, и ея пастыри; симъ путемъ шли всѣ подвижники благочестія, и теперь идутъ люди благочестивые, отъ смиреннаго въ своемъ высокомъ благодатномъ служеніи пастыря Церкви до смиренной же въ своей безвѣстности старушки безграмотной... Только наши такъ называемые образованные люди, отставшіе отъ Церкви, дѣйствительно, потеряли, забыли этотъ святой спасительный путь. А за ними, съ охлажденіемъ къ Церкви и ея завѣтамъ, стали забывать этотъ путь и тѣ, которые именуютъ себя православными, считаютъ себя

принадлежащими къ Церкви, но успокоиваются только на одной холодной разсудочной вѣрѣ. Къ глубокому сожалѣнію, многіе православные никогда въ писанія святыхъ Отцевъ не заглядываютъ. Иные даже и не подозреваютъ существованія такихъ книгъ, какъ „Добролюбіе“ и т. п. А между тѣмъ стоитъ раскрыть писанія св. Отцевъ, чтобъ получить точныя и ясныя указанія: какъ надобно воспитывать въ себѣ духъ молитвенный. Въ Востѣ почившій святитель Теофанъ, великій подвижникъ нашего времени, оставилъ послѣ себя цѣлую богатую сокровищницу писаній, въ которыхъ обстоятельно раскрывается жизнь въ Богѣ по ученію св. Отцевъ Церкви, примѣнительно къ требованіямъ современнаго образованнаго и необразованнаго человѣка. Въ появленіи его трудовъ слѣдуетъ видѣть особый промыслъ Божій, пекущійся о нашемъ спасеніи и для всякаго времени воздвигающей своихъ избранниковъ—истолкователей святыхъ Божіихъ заповѣдей и неразлучнаго съ исполненіемъ сихъ заповѣдей—внутренняго духовнаго дѣланія. Такимъ для XVIII вѣка былъ великій въ своей евангельской простотѣ святитель Тихонъ Задонскій; такимъ для нашего, болѣе вдумчиваго, вѣка, желающаго глубже проникать мыслию въ область духа, явился святитель Теофанъ... Его книги—неоцѣненная сокровищница духовно-опытнаго назиданія. Одинъ его „Сто осмнадцатый псаломъ“ заключаетъ цѣлую систему духовной жизни: тутъ и психологія, и философія, и духовный опытъ, и все это на основаніи святоотеческаго ученія. А его „Начертаніе хрістіанской жизни“ или „Письма о хрістіанской жизни“, „Что потребно покающемуся“, да и всѣ его творенія—должны бы быть настольными книгами для всякаго образованнаго и простаго русскаго православнаго человѣка. Что касается молитвы, то онъ издалъ превосходное къ ней руководство въ видѣ книги: „Отечeskія наставленія о молитвѣ и трезвеніи или вниманіи въ сердцѣ къ Богу“. Тутъ можно найти отвѣты на всѣ вопросы, касающіеся молитвы. Напрасно нашъ почтенный корреспондентъ опасается, что письма епископа Теофана будутъ не подъ силу ученику второклассной школы. Ссылаемся на статью, помѣщенную въ настоящемъ же № „Б. Нивы“: „Деревенскіе читатели“,

въ которой авторъ свидѣтельствуесть, что простецы - читатели „зачитываются“ твореніями святителя Теофана. А писанія святоотеческія еще проще, еще доступнѣе, чѣмъ собственныя писанія святителя, который, какъ человекъ нашего времени, имѣя въ виду читателей болѣе или менѣе развитыхъ, иногда употреблялъ и выраженія научныя, пожалуй не всякому простецу понятныя; у святыхъ же отцевъ, коихъ ученіе о молитвѣ святитель собралъ въ своей книгѣ, такихъ выраженій нѣтъ. Поэтому ее смѣло можно давать въ руки ученикамъ, которые уже привыкли къ сколько нибудь внимательному чтенію.

Отъ души совѣтуемъ всѣмъ руководителямъ школы: если желаете имѣть благотворное воспитательное вліяніе на своихъ

питомцевъ, если хотите видѣть истинно-христіанскіе плоды своей труженической дѣятельности, радоваться на „веходы“ великой Божьей нивы, именуемой церковною школою,—читайте сами, прилагайте къ сердцу своему наставленія богомудраго святителя касательно внутренней духовной жизни, а затѣмъ открывайте эту святую сокровищницу и дѣтямъ, коихъ вамъ поручилъ Господь: пусть и они дѣтскимъ сердцемъ воспринимаютъ отсюда, по мѣрѣ своего духовнаго развитія, святые уроки молитвеннаго настроенія, христіанской настроенности вообще и любви къ исполненію воистинну животворящихъ Божіихъ заповѣдей. Тогда поистинѣ возрадуется сердце ваше и сея радости никтоже возметъ отъ васъ...

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ВЪ ЖЕМЪСЯЧНОМЪ ИЗДАНІИ

„БОЖІЯ НИВА“

въ 1903 году

Съ Божіей помощью будетъ продолжаться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ текущемъ году. Согласно желанію многихъ нашихъ читателей отдѣлъ: СТРАНИЧКУ ДЛЯ ДѢТЕЙ предполагается выдѣлить въ *особое приложение* и расширить въ видѣ книжекъ для дѣтскаго чтенія. Цѣна за годъ съ пересылкою 1 руб.

Желающіе подписаться на текущій годъ получаютъ всѣ вышедшіе №№. Цѣна таже 1 руб. съ пересылкою.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Московской губ., въ Редакцію „Троицкихъ Листковъ“ и „Божіей Нивы“, въ Лаврѣ.

УЧЕНЬЕ—СВѢТЬ РУССКІЙ БУКВАРЬ. ЧТЕНІЕ И ПИСЬМО.

Составилъ В. Лебедевъ.

Съ 188 рисунками, 2-мя таблицами для рисованія, 1 хромолитографированной таблицей цвѣтовъ, прописями, листомъ для подвижной азбуки и методическими указаніями для учащихся. Цѣна 20 коп. Главнѣйшій складъ изданія въ Москвѣ, Никольская ул., въ Синодальной книжной лавкѣ.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА“

въ 1902—1903 подписномъ году (съ 1 августа 1902 г. по 1 августа 1903 г.).

Журналъ „ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА“ въ наступающемъ съ 1-го августа **шестнадцатомъ** году изданія своего останется неизмѣнно вѣрнымъ утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ, при чемъ редація позаботится о возможно полномъ и разностороннемъ выполненіи ея. Журналъ выходитъ въ 2-хъ отдѣлахъ, изъ коихъ первый предназначается для *училищъ*, а второй преимущественно для *учащихся* и вообще *грамотныхъ крестьянъ*; изъ статей этого отдѣла въ концѣ года составитися полный и законченный томъ религіозно-нравственныхъ статей и статей по разнымъ отраслямъ знанія.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Опредѣленія Святѣйшаго Синода и постановленія Училищнаго при немъ Совѣта, а также нѣкоторыя распоряженія епархіальныхъ преосвященныхъ и училищныхъ совѣтовъ.—Методическія и дидактическія статьи по предметамъ обученія, входящимъ въ учебный курсъ церковно приходскихъ школъ.—Мнѣнія духовной и свѣтской періодической печати о лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ церковно-приходскихъ и вообще въ народныхъ школахъ.—Свѣдѣнія о церк.-приход. школахъ въ епархіяхъ.—Изъ школьнаго міра (хроника).—Педагогическое обозрѣніе.—Мелкія извѣстія и замѣтки, относящіяся къ школьному народному образованію.—Рецензіи книгъ, посвященныхъ школьному народному образованію.—Корреспонденціи.—Набольшія статьи для чтенія въ школѣ и дома: а) Размышленія о предметахъ вѣры и нравственности православной. б) Примѣры благочестія въ разныхъ обстоятельствахъ жизни человѣческой. в) Повѣсти и рассказы религіозно-нравственнаго содержанія. г) Рассказы изъ отечественной и общей исторіи. д) Притчи.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою ТРИ руб.

Редація проситъ оо. и гг. подписчиковъ при возобновленіи новой подписки, на будущій годъ, указать номеръ бандероли, за которымъ былъ получаемъ журналъ въ текущемъ 1901—1902 году.

Подписка принимается:

Въ *Кіевѣ*: 1) въ редакціи журнала „Церковно-приходская Школа“, при Кіевскомъ епархіальномъ училищномъ совѣтѣ; 2) въ редакціи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, при Кіевской духовной семинаріи.

Въ *С.-Петербургѣ*: 1) въ Синодальной книжной лавкѣ; 2) въ книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова.

Въ *Москвѣ*: къ книжномъ магазинѣ К. И. Тихомирова

Редакторъ П. Иенатовичъ.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

ГОЛОСЪ ПАСТЫРСКАГО СЕРДЦА.

СБОРНИКЪ ПОУЧЕНІЙ, РАЗМЫШЛЕНІЙ И ДР. СТАТЕЙ

ПРОТОІЕРЕЯ М. І. ХИТРОВА.

ДВА ТОМА.

Цѣна каждаго тома сей книги безъ пересылки 1 р., съ перес. 1 р. 25 к., въ папкѣ-корешкѣ—1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 60 к., въ коленкорѣ съ золотымъ тисненіемъ 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 15 к.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Троицкихъ Листковъ“.

Въ Редакціи Троицкихъ Листковъ и Божіей Нивы

можно получать новую книгу:

„ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ ХРАМЪ, ВЪ СЕМЬѢ И ВЪ ШКОЛЪ“.

Уроки изъ жизни святыхъ.

СЕМЬДЕСЯТЬ БЕСѢДЪ. ВЫПУСКЪ ВОСЬМОЙ.

Составилъ Петръ Шумовъ.

Цѣна книги 80 к., съ пересылкою 1 р.

Продается въ Москвѣ: у автора, протоіеря П. С. Шумова, при церкви св. Николая въ Голутвинкѣ,—у Салаева, Ступина, Сытина и др. въ Петербургѣ—у Тузова. Въ Кіевѣ—у Оглоблина. Въ Казани—у Дубровина. Въ Томскѣ—у Макушина.

Тамъ же продаются и первые семь выпусковъ той же книги:

Выпускъ 1-й, 43 поученія—60 к.		Выпускъ 5-й, 52 бесѣды—50 к.
„ 2-й, 36 бесѣды—70 „		„ 6-й, 100 бесѣды—1 р. 50 к.
„ 3-й, 10 бесѣды—10 „		„ 7-й, 50 бесѣды—60 к.
„ 4-й, 53 бесѣды—60 „		

А также и другія книги того же автора:

- 1) Сборникъ общепонятныхъ поученій (84) вып. 1-й 1 руб. 2) Той же книги (170 поученій) вып. 2-й 1 р. 30 к. 3) Бесѣды на всѣ воскресныя Апост. чтенія (53) 60 к.
- 4) Внѣбогослужебныя бесѣды о страданіяхъ Спасителя. 25 коп. 5) Девять бесѣдъ о покаяніи. 20 коп. 6) Пять бесѣдъ о явленіяхъ воскресшаго Спасителя. 10 коп.
- 7) Учебникъ для начальныхъ училищъ—3-й годъ. 20 к. 8) Мои воспоминанія. 10 к.

За пересылку 15 коп. за каждый рубль. Выписывающіе всѣ книги прямо отъ автора и не менѣе, какъ на три рубля, за пересылку не прилагаютъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Святая просьба. I. I.—Деревенскіе читатели. (Изъ наблюденій и воспоминаній учителей-библіотекарей). Свящ. Д. Вазанова. II Свящ. Г. Молебнова.—Протоіерей Михаилъ Ивановичъ Хитровъ. Архимандрита Нікона.—Изъ учительскихъ дневниковъ. Листки изъ дневника учителя-крестьянина. Учителя Е. Куликова.—Собратьямъ по труду. Стихотвореніе А. Рыбаковой.—Жертва любви. Изъ моихъ воспоминаній. Д. Дмитриевъ.—Посѣвы и всходы (Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).—Страничка для дѣтей. Царственный другъ дѣтей—Царь Миротворецъ. (Къ 8-й годовщинѣ Его кончины). В—го.—Малютка въ гробу. Стихотвореніе В. Зуб....—Нашъ дневникъ.—Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: При семъ № разсылается „Троицкій Листокъ“ дополнительнаго счета № 119: „Безсловесная труженица. Противъ жестокости человѣка къ лошади“.

Редакторъ Архимандритъ НІКОНЪ.

Печатать дозволяется. Визанія. Сентября 30 дня, 1902 года. Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Вгльевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

Подписная цѣна на журналъ 1 р. съ перес.; выходитъ ежемѣсячно.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“